

елена
КАЦЮБА

Елена Кацюба

Стихи,
поэмы,
стихийные мутации,
иероглифические тексты,
палиндромы
и стихи с палиндромной
инкрустацией

ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз)
ЛИА Р.Элинина
2003

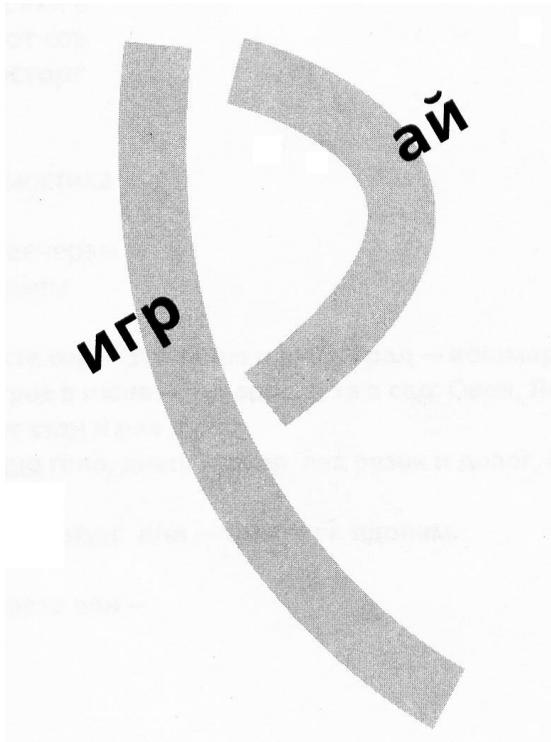

Выступление
Елены Кацюбы
на Первом всемирном
дне поэзии ЮНЕСКО
в театре Юрия Любимова
на Таганке
21 марта 2000 года

Ты все пела? Это – дело!

Константин Кедров

Первый мощный прорыв в поэзии Елены Кацюбы осуществился в 80-е годы, когда была создана ни на что не похожая поэма «Свалка». Здесь была открыта новая система стихосложения, основанная на синтезе анаграммы, палиндрома и лингвистической комбинаторики. Компьютер еще не пришел в российскую жизнь, а «Свалка» написана так, словно супермощный компьютер по какой-то игровой и лирической программе написал впервые столь неожиданные стихи. Еще не было компьютерных игр, а «Свалка» уже оказалась итогом будущих игровых программ. При условии, что эти программы создал поэт. Вторым, не менее мощным прорывом стали циклы стихов «Игр рай», расширивших горизонты «Свалки» до новой лирики, опять же ни на кого не похожей. И, наконец, 90-е годы и начало 2000-х увенчались выходом «Первого палиндромического словаря русского языка» и «Нового палиндромического словаря», справедливо названные Андреем Вознесенским итогом русской поэзии XIX и XX веков. Весь язык поэзии пересмотрен и вывернут, как кожа Микеланджело на фреске «Страшного суда». Созданы новые жанры палиндронавтики, возникли стихи-кроссворды, стихи-лучи, стихи-мутации, как естественное продолжение словотворчества футуристов. Но и лирика Елены Кацюбы в рамках традиционной силлаботоники и свободного стиха резко отличается от всего, что создано в этом жанре и чревато другой, совершенно новой поэзией. Кацюба влияла на многих поэтов, хотя сама всегда оставалась за кадром официоза. Впервые мне удалось написать о ней в монографии «Поэтический космос» в главе «Рождение метаметафоры в 1989 г. Тогда в стране всем было не до поэтического космоса, а поэзия как таковая на много лет вообще выпала из контекста. В 1984 г. мы с Еленой Кацюбой основали ДООС – Добровольное общество охраны стрекоз. Девиз «Ты все пела? Это – дело!» – лучший эпиграф к поэзии Елены, которая сегодня на самом высоком взлете.

Игр рай

Игра вечера – четыре карты:

Рама¹

Дверь²

Зеркало³

Картина⁴

В середине

бабочка замерла – туз⁵

где остановился оконный слайд

Сладко

и горячо

музыка движет движенья

Между телом и жестом микрон простора –

простой повод

рвануться навстречу

перетасовать и очнуться

лет десять назад

Козыри – пятница – день Венеры

Лишние разговоры

начерчены на листьях и летающих существах

ветер⁶ уносит страхи в

грот сов

оставляя нам **восторг**

и игр оргии –

рай.

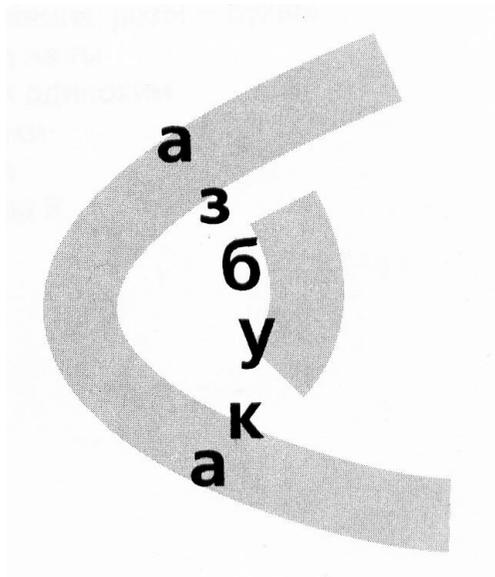
Мистика вроде мостика

о т т у д а к нам

по которому по вечерам

мы свободно гуляем.

-
1. Вел неводá света сор – это те ню и взор. Град – кошмар рам, шок и дар гроз в июне – тот эрос. А те в сад: Овен, Лев...←
 2. Ах, у двери нот стон и рев духа! ←
 3. Я, он, затем окно голо, дико. Зеркал лак резок и долог, он – комета зноя. ←
 4. Мало – диктат картин: они – трактат к идолам. ←
 5. Но тузу – тон! ←
 6. Но ветрам в марте вон ←
окно в звонко. ←

Азбука

Розы сами не растут
Их создает садовник – конструктор розы

Он Р заберет у грома

О отдаст рот

З закажут замок и загадка

А выдыхает май

РОЗА –

в ней «Ра» солнца

«Ор» восторга

«За» согласия

«Аз» вязи азбуки

Аз – это А

А – каталог интонаций

А? А! А...

А – это всё

Я – это я

Идет алфавит от всего до меня

Алая и Белая розы – это А и Б любви

далее – Война Глаз, Дар Евы,

Желание, Забвение, Искренности Йод,

Кошка Ласки, Мед Неведения, Опиум Поцелуя,

Разорение Сада, Тьма Упрека, Фарфор Хрупкости,

Церемония Чайная, Шепот и Щека

Ы – знак умножения: розЫ – буквЫ

Значит переход на ты

не сделает тебя одиноким

в розарии азбуки

где Эхо Ютится

и в конце всегда Я.

Алхимик

Свинец непроницаем для радиации
но силы вошли в СВИНЕЦ
как бесы вошли в СВИНЕЙ
С ВИНОЙ ветхой
С ВИНОМ новым
С ВИДОМ неведомым
С АИДОМ античным
с криком ДАЙ ДОМ
РАЙ

Рай – всем нам дом
Он лозой пророс
Золото лоз – это свет
Нет земного золота в свете
но от золы лоз этих
все золото на земле
Две тропы ведут из рая
это плоть и путь
Первая: РАЙ-РОЙ-ПОЙ-ПОЛ-ЗОЛ
Вторая: РАЙ-ДАЙ-ДАО-ДНО-ОНО-ОКО
Так скажи раю “прощай”
и превращай
ЗОЛ ОКО
в
ЗОЛОТО

Антология меда

А есть ли пол у пчел?
Пчела всего лишь соединяет
растительных Ромео и Джульетту.
Так был архангел Гавриил
носителем пыльцы небесной.
Пчела – учитель липы золотой,
наставница невинности медовой.
Она жужжит свою благую весть.
Ребенок липы в шестигранных яслях
размножен,
он в восковых пленках созревает,
и все дары волхвов крылатых
с ним от рождения:
и золото, и аромат, и сладость.
В нем утонул безжалостный Египет,
свой желтый глаз сомкнув в остекленевшем
песке,
уснувший в сотах
своих себя хранилищ – пирамид,
где сфинкс – пчела,
и все его загадки –
всего лишь мед столетий,
не для ума,
для губ и языка.

Aurum

У бетонных домов золотые окна
У подъемных мостов золотые цепи
Мед хранится в бензольных кольцах
они звенят –
день – день – день –
ночь.

В колодцах зрачков золотые точки
В колоннах авто золотые фары
Высокой октавой
высокооктановый
поет бензин.

Под платьем у женщины золотая кожа
Под кожей у мужчины бронзовый тигр
В клетке грудной легкие – птицы
Химия дыхания – кислород – углерод

В кошачьих зрачках селеновые луны
Сердце в подворотне громче шагов
Золото для сердца –
тяжелый металлллллллл.

Бабочка

Бабочка утвердилась над океаном
одним крылом престол сотворив
другим – солнце закрыв.

Близнецы

Если брат
теряет свой взгляд
в брате
и брат
возвращает по сфере взгляд
не поврежденный хрупким резцом хрусталика
это значит
восьмерки глаз
умножают друг друга на два
это значит
природа
дублирует себя про запас.
Твоя тень рождается вместе с тобой.
Эта плоти тень
пуповиной смертей
привязана к жизни –
твой двойник в материнской отчизне.
Или ты – тень своей тени
вылита словно олово в ямку песка –
ты и твоя сестра.
Пересечения сестер
в перекрестье генных сетей.
Если зеркало
выйдя из рамы тела,
оставит тебя без света
зажжется мир одиноким полюсом.
Твое зеркало – твой пропуск
в мир корпускул
заряженных полум.

Блюз

Скручена туго в волну вода,
глаза скажут «нет», а губы «да».
Кто же спорит с волной?
В слове ЛЮБЛЮ
две гласных Ю
и ни одной другой.

Губы смешают вино с водой,
сердце и музыку,
кровь и покой,
ворону – песнюЮ,
хрип – соловьюЮ,
«ныне же будешь со мноЮ в раЮ»,
скрипнет заветный клЮчик – Ю-Ю
в двери,
где –ает, –чает, –ачает, качает
блЮз.

Нетерпеливый, сдержанный хлыст –
гонит синие волны блЮз –
гребень – ЛЮБ,
пропасть – ЛЮ,
З-З-З – это волны поймали пчелу
БЛЮЗ-З-З...

В море созвездий лунный круиз.
Парус наполни легчайший блюз – бриз.
Мели надзвездные выверит лот.
«Нет» не растопит в стакане лед,
но неразбавленным «да!» обожжет
даже вода.
Словно гусеница, звезда
переползла небосвод –

«Нет!» – оглушающе крикнет волна.

«Да...» – отзовется у самого дна
себе самой.

Ты не заметишь,
как променяешь,
ты променяешь! –
всю веру мира
на эту игру с волной.

В слове ЛЮБЛЮ
две гласных Ю
и ни одной другой.

В баре

Разрушение разума – вот задача,
удешевление сердца – вот проблема.

В словах много лишних букв.

Оставим от рАзуМа – АМ,

от заДАчи – ДА,

от рАзрУшения – АУ,

и все понятно.

О картинах и говорить не приходится.

Вот висит Айвазовский:

вверху звезда,

в середине корабль,

внизу море –

называется «Буря».

А где она?

Оставим от ЗВЕЗДА – ЗЕВ,

от МОРЕ – ОР,

от КОРАБЛЬ – БОЛЬ,

совсем другое дело.

А можно и так:

ЗВЕЗДА – ДЕВА,

КОРАБЛЬ – БАР,

МОРЕ – РОМ.

Вот такой Айвазовский нужен нам

и в море,

и в горе,

и в баре!

Ch.Zeytounian-Belous

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус
22

Вальс цветов

В красной лоханке
голова негритянки –
что это?
Маковый цвет.
Эта цена – танец мака,
А мак – Кама,
Кама, а мак –
карме не мрак,
а Кама рту – сутра мака.
Мак – среди огня мрак
А мрак – карма
Карма мака – мрак

А – разделена пробором на множество женских Индий
Т – курить
АА – окутывает подлом руку – укачивает роднее ребенка
ТТ – курить
ААА – в невечном деле продолжает рукой прогулку
ТТТ – курить
А-А-А-А!
Т-Т-Т-Т!

Суббота в больнице –
соглашение между временем и врачом:
УМЫВАНИЕ РУК
СНЯТИЕ ~~С КРЕСТА~~^{ХАЛАТА}
ПОЛОЖЕНИЕ ~~ВО ГРОБ~~^{В СТЕРИЛИЗАТОР}
всего, что положено,
а завтра у нас ВОСКРЕСЕНИЕ –
живи ж!

Валюта мечты

(Вариация на тему рифмы «кровь – любовь»)

Эстетика сближения будоражит кровь
любовь –
лунный удар
 в солнечное сплетЕНИЕ
 раСТЕНИЙ
 ТЕЛ
 ТОЛ любви
 взрывает АТОЛЛ покоя
не оставляя даже БИКИНИ
на теле и в океане
Нестерпимо пристрастна линза глаз любви
а голос ее –
единый лад оперы для двоих –
 не больше
но не дольше
чем от А-а-а!
 до О-о-о!
А дальше
ни-че-го
 кроме полета –
вечной валюты
 мечты

Вариант

Тогда сотворил Бог зеркало и отразился в нем –
так Адама создан был
и Бог его любил
как самого себя
Дал Бог Адаму зеркало
отразился Адам в зеркале –
так Ева явилась
и любил ее Адам
как самого себя
Посмотрелись Адам и Ева друг в друга
как в зеркало
и появились у них дети
и Ева любила их
больше самой себя
оттого дети любили только себя
и убил Каин Авеля
В гневе разбил Бог зеркало
и развеял по свету

Оттого мы видим мир
не как создал Бог
но как отражает зеркальный прах.

Вариация на восточную тему

По ступеням

стук - стук

по дорожке

шлеп – шлеп

деревянные сандалии

восточного бога

На его ноге-скамеечке

сидит маленькая девочка

тростниковые ладонки

хлоп – хлоп

Полулунные глазницы

раздвоенный зрачок

обезьянка на цепочке

скок – скок

Веером вибрируя

щурится игриво

Красный шелк – о чем-то тайном

Черный шелк – волос касанье

Белый шелк пошел на кожу

а на коже нет застежек

Табакерка музыкальная на розовом меху

там жемчужные фонарики внизу и наверху

помирают со смеху

По морю как посуху

посуху как по морю

с посохом по миру

хром – хром

Заборы на горбах

на зубах грох

драки дорог

перекрестков крах

Вышитая шапочка набекрень

на ногах браслеты

дзень – дзень

в середине тела жужжит оса

а на правой щеке след колеса

Веер Венеры

ВЕНЕРА – кто ей равен?

В нее вся ВЕРА.

НЕВА – речная ВЕНА

ей жизнь на севере дала,

удочерила,

и НРАВ и НЕРВ переняла.

Венера – ВЕЕР тайн,

Ей на АРЕНЕ РЕВ

и вид ужасных РАН

не страшен.

Но черный ВРАН

на белое плечо уселся.

Вересковый ветер

Вересковый ветер в оправе глазниц
в голову вмонтирован лунный диск
у балкона нет края
улетая – улетай
У меня был двойник – двойница
Нас путали те
кто нас не знали
Она в хрустальном мире безумья
Может быть
меня больше любили?
Она стерильная или
святая

Вересковый ветер –
горький сухой язык
Льва-августа сквозь бойницы
Меня охраняли четыре Львицы

Кроме льва есть еще три зверя
Второй пишет книгу сухим пером
Третий рисует на стенах двери
Четвертый в три часа ночи любит
решать теоремы смертельных тайн
Вот это совсем не мои проблемы –
улетай!

Вереск несет в себе К Р Е С
ветер дает ему Т

Вересковый ветер –
это воздушный КРЕСТ
Можешь – неси его
Хочешь – лети на нем
сам себе стая
Но улетая –
улетай!

Веретено

Мария двоилась в Елену
и выпряла ВЕРУ
веретеном внутри.
Иди, окруженный тремя,
отмечай Рождество Пасхой,
оглашай приговор не раньше, чем
одолеешь дыханием
пугливый симпозиум язычков свечей
на камне,
из-под которого ты, лежачий,
выкрутился веретеном вероятности
в игровой спальне,
где проигравший блаженный
измеряет простор постели
диагональю тела
или собой образует график
подъема и падения активности двигательной во сне,
когда снаружи приближается иконописец,
продвигая веретеном кисти
условных овец.

там нет ни ночи, ни дня
Кто это возле меня?
– Нет, мы уже не люди
мы плоть свою забудем
бессмысленное тело
в пространство улетело
Пристало телу платье
Душа – обнажена
Приди в мои объятия
крылатая душа
Все в лучшее лишь в душах
запретов не нарушим
вернемся к истокам
где в золотом и светящемся
кружевном и кружащемся
зеленом и белом
мы были единым летающим телом.

VIII.

В винном фонтане
вода отрезвляюще пряна
Лунную пряжу
ундина прядет
Сильф, пролетая
губами коснется
лба
Саламандра взовьется
в свече, что в руке у тебя
Твое тело истлело
по нем панихида
подземные гномы уже ожидают
их темные лица во тьме не видны

IX.

На перекрестке стихий распростертый трилистник
Тайной улыбкой твой лик оживил головою крылатой Меркурий
Ты за невидимой дверью творишь свои мессы
Одесса

X.

Мир, распаясь
становится веткой акации
Звездной акации ветка мерцает на небе
Медведицы ковш
зачерпни
из надмирного моря –
темного света плесни!

1980

Витрина

Смотрят в стекло похожих двое,
сердце скупое
поделив на одного
Твой(ая) по(друг)а шеи шарнир повернув направо и вверх
таращится через стекло
Сердце мужское выстукал врач под напором груди,
женской психики парашют
от земли
от-
рывает шаги
Ты перекрашен(а),
стрижен(а),
снятая бровь
вылезет щеткой усов,
но ты выбреешь щеки до блеска штиблет
Вот твоя(ой) партнер(ша)
пол свой обдумывает сурово
ибо среднего рода
как ни верти
и папье и маше
Вижу я, как ревнует,
выпятив зоб и в подбородок запрятав кастет,
к полу,
который не надо запихивать в ворох тряпья
Спальня твоя –
парикмахерской куб застекленный
где срезы голов стерильны
ножницы в ножницах пальцев низко летают
и бритвы лепечут во сне.

Внутри

Стен внутрь уходить нельзя –
высоко узко меж кирпичами там,
лампочку ввинтить чтобы
встать на стул надо
что же –
с собой стул брать?

Прозрачнее дерева стен
но освещение нужно и там
лучше лампу за провод тяни
потому что трубы они внутри

Книг внутри бродить – кайф
всюду улиц фонарь там
таблицы окон счета людей
вынимают свет домов изнутри
прямоугольники дверей тьмы

Внутри воды – воздух сам
там он – дважды род вод
«О» – кислород – ксилофон там
когда по камням плеск

Не берите с собой фонарь в лед
лед раздавит в нем стекла вам
лед разрывает внутрь воды
как единицу – два
как меня – ты
как тебя – я

Волга

ВОЛГА –
ИВОЛГА полей
И ВОЛКА подруга зимой,
ИГОЛКА в стог небес
И ГОНКА сквозь
ИКОНКА зари вечерней затеплится
И КОШКА покоя заполнит проём
ОКОШКА спиной,
ОКОМКА тая звезду по горизонту
СКОМКА на влажная лента
оСКОЛКАми света путь
СКОБКА месяца тайное слово закрыла

ОБА СНА в сиянье слились
но БАСМА ночи чернит серебро
это – ЧАС МАЯка.
оЧАМ МАЯта –
ноЧАМИ Армады созвездий водить.
ОЧАГИ Алмазные тлеют
вода Гиады, Плеяды качает.

кто ДАЛ ЛАзури неполной луне,
но ВАЛ ЛАвы огня полному диску?
спИ, ВАЛ ЛАсковых вод,
где ИВА ЛГАла о разлуке,
вот она – ИВОЛГА ранняя –
ВОЛГА

Волосы

Стожары – Плеяды – Волосыны –
плотоядны острожны Велеса сыны –
не стрижены
А если волю дать волосам
они разрастутся по небесам
Опасна месяца бритва
Обходя ее
земля искривляет орбиту
иначе быть ей обритой
наголо
Зажгла луна гало
к холодам
Небо космато Стожарами
сторожат у костра
в жертву Велесу несут осеннюю Деву
В горящих волосах
обугленная звезда
она на Весах
легче взгляда
а в сердце –
весомее пули.
Вечер – врач, знахарь, лекарь
спрячет ее в небесном склепе
до января
Она будет плескаться
в зимнем колодце
и в небо взберется
в известный час
когда Стожаровый жар усмирится светом
луч режет космы Велеса
Она будет расчесываться смесью
не оправдываясь
ни в чем
кроме восьми лучей

* * *

Воля твоя – убежать из леса
право леса – тебя догнать
Вот и рябина грозит кулачками –
хочет тебя поймать
В лесу береза всех несуразней
она порочна хотя бела
лесное озеро непрозрачное
ей заменяет зеркала
Лесная темень в углу за шкафом
Сыграем в шалаш под дубовым столом
Глядит икона как срез древесный –
под слоем краски горит лицом
Скрипит рука – продолжение двери
живые жилы? коры узоры
Отчего это дерево так проворно
что опережает камень и вяжет воду
Когда из ели делают елку
она смиряет свое дрожанье
Оттого она так покорна
что умеет долго держать дыханье
Она исходит смолистым духом
она предвестник сирень-черемух
А ветку яблони ставить в вазу не надо
Птиц смеющихся по утрам
птиц засыпающих по вечерам –
кто кроме леса знает их нрав
кто их приводит под окна к нам
Каждое дерево пахнет собой
А кто не успел посидеть на траве
того все равно догонит лес
шуршащей падающей листвой
Разве легко на слух отличить
шум листьев от шума дождя
особенно если за окном
дом – тротуар – дом
дом – тротуар – дом
дом – тротуар – дом

Время деревьев

Волокнистый удел реки
волнообразен в звуке
от леса до леса
лижет себя языком загара лето
профиль коровы уткнулся в воду –
озеро перевернулось.

Круг рыбы очерчивая на плаву
пльви летай летняя тайна
на клейкие петли застегнутая
решето лесной тени
просеивающей солнце

Когда навстречу выйдет свет,
он не будет слишком резок,
чем гуще, тем туманней.
Свет полетит навстречу,
шелестя соломой лучей,
он обогнет тебя и полетит дальше,
оставив позади провал темноты.
Темнота – это тьма тебя.

Вот еще один луч пойман в ловушку –
ты уличил меня в том,
что человек состоит из света.
Если тебя отнимают у солнца,
значит времени нет.
Свет
летит параллельно любви,
у него тяжесть дождя,
ключи ожидания, вкус крови.
Свет шепчет,
рисуясь птицей
в развилке веток.
Давление света на лист
можно вывести формулой,

но свет посмеется над ней.
Ветки дерева намечены светом –
это
пути огня,
когда молнии ветка
сомкнется с землей
и, покинуто светом,
дерево станет чужим для воды.
Когда настанет время деревьев,
время станет корой деревьев,
время Девы и время Весов.
Когда кругом говорят деревья,
ничего не слышно, кроме их слов.
А если осень – всего лишь вопрос?
Ведь завтра уже придет стекольщик –
менять голубые на серые стекла.
Вот настанет сентябрь
и усыновит свет.

Вьюга

В нашем городе свадьба
не то, что в других городах:
жениха несут на носилках,
а невесту несут на руках.
Жених со свечой в изголовье,
невесте поют – агу!
Приготовят им постель за воротами в снегу.
Мимо города, ворот
боком-боком снег идет,
белой цаплей встал у стен,
провалился до колен,
голый глаз на волоске,
а в расколоте зрачке
ходит женщина в платке.
Колокольчик бьет висок,
на косе висит замок,
ту косу не расплетать,
а точить-натачивать
да качать-раскачивать.
Сын твой странный,
молчаливый и пустой,
ты в лесу его зароешь под сосной,
приходите поливать его весной,
приводите на венчание невест.
Может, вырастет там колос
или крест.

География осени

Падающий Китай ничему не подобен
Он щебечет: «Янцзы, Янцзы»
Он описывает своих красавиц только:
«Глаза ее ясные и широкие,
будто воды реки Хуанхэ осенью»
Осенью Китай облетает
желтыми листьями по всему свету
и где приземлится маленький Китай
сразу вынимает палочки для еды
и щебечет: «Янцзы, Янцзы»

Геометрия полета

В каждой вещи круг или квадрат.
Угол квадрату брат,
а круг квадрату чужой,
он и сам себе чужой,
потому что звучит угловато,
а сам безугольный.
Квадрат – пожиратель углов и кругов,
он отец кубов
постаментов статуй,
вытаптывающих парки и станции,
пересеченные нетопырями
в остроугольном ультразвуковом полете,
мути битум.
А птицы крыльями знают
круг –
в нем голубиный **гурк,**
арфа кафра,
ашрам марша.
Стая птиц,
умноженная на расстояние
от Нила до Волги –
от ила до воли,
образует угол утиный
и одну сторону угла –
живую линию лебединую.
И летя, а ваятели
облаков.

А Нил – глина
впадает в
Волгу углов.

Герой и чудовище

*Что касается Медузы Горгоны, достоверно известно, что
славилась она уродливым видом, ужасным нравом и
неукротимой страстью к Персею. Голос имела скрипучий, в
разговоре была груба и в грамматике весьма небрежна.*

Эвальд Актеонский, «Книга путешествий из тьмы во тьму».

Тьма кипеть до сотворить свет.
Каждая,
что на мужчину глядит с вожделением,
уже была с ним –
во сне.
Но он даже в ее сне
не хотел на нее смотреть.
Сжимать и пульсировать ядра планет,
разбегать галактики и свистеть в след,
но он даже в темени тьмы темноты
не хотел на нее смотреть.
Каменный сад создать из статуй тех,
кто посмел на нее взглянуть.
«Я всего лишь смотреть в глаза тому,
кого я любить – убить».
Но даже его статуя
на нее не станет смотреть.
Каждая, кто хотеть иметь раба,
стать рабыней того всегда,
кто нет на нее смотреть.
Герой вынимает меч,
траекторию строит ум,
чертит в воздухе дробь,
в знаменателе – голова.
Катится, гаснет, бледнеет, шипит
черный снаряд запредельной пращи.

Голубь

Раздирает землю пернатый стон,
а небо – тоска нелетанья,
потому что в моем дыханье
голубь живет.
Выдох – его полет,
вдох – его возвращенье.
Я говорю: «Лети!» –
и он взлетает.
Я кричу: «Вернись!» –
и он падает вниз.
Отвергнут он миром птиц,
во мне гнездится.
Я бы его отпустила,
но как
с дыханьем своим проститься?
Распят он в моей груди,
клювом клонится к сердцу.
Я ему говорю: «Иди!»
Но почему-то мы вместе летим
в окно отверстие.
И мне не надо кричать: «Вернись!» –
пугливое заклинанье.
Уносит голубь меня в мир птиц
на моем дыханье.

Горизонт

Параллельность рельс
доказывается давлением колес
сверху вниз
и земли
вверх снизу,
образуя крест веса
на скрещении колеса и рельса.
Земля и сердце,
пересекаясь в небе,
образуют крест полета.
Земля и небо,
пересекаясь в сердце,
создают крест человека.
Сердце и небо,
пересекаясь в земле,
воздвигают крест вне
темноты,
означая начало жизни из пустоты.
Горизонт – порожденье глаза,
дитя хрусталика,
он висит на краях ресниц,
пересеченный полетом птиц.

Гороскоп

Мы – треугольник,
дети одной звезды,
у которой все бы хотели быть детьми,
но календарь строг.
Вот Водолей,
струясь волосами
с верхней вершины вниз,
где Телец безупречных линий
и Весы, для которых
равновесие не совместимо с покоем.
Наш треугольник достаточно прочен,
чтобы не знать о себе,
он ограничен
в весе так,
чтобы летать,
опасаясь иглы Скорпиона,
капля яда которого стоит всего Зодиака.

Двери

Тебе открылись еще не все двери

Гул чугуна вес гула
красное остывая темнеет
что кровь что металл

открылись еще не все двери ТЕБЕ

Глаза встречаются молча
пуговицы расстегиваются молча
молния делает: «Вж-ж-ж-ж-ж-ик!»

еще не все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ

По черной луже рояля
проходит босая женщина –
игральная супер-карта

не все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ

Мораль – роль моли
санитарная дремота
внутри все осыпалось

все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ

Передвигая линии
переставляя слова
создаем варианты естества
ищем единый ключ
уводящий в понятий глушь
но порядок слов не закрепить
как птиц в караване птиц
они меняются местами
если устали
поэтому

двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ ВСЕ
ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ ВСЕ ДВЕРИ

Дельфы

«Исихия» по-гречески – тишина,
«эхо» – у меня есть, «ихó» – эхо,
«óхи» – нет.

...и их исихии
сухая синь.

Но в мантии пиит нам – вон
тот кипарис.

А кипарис сему – мессира пика
в небо.

Но змеем зон
вилась дорога к морю
и взглядом вниз
вила залив
и
«ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш»
вилось с олив.

Нас
винами манив,
вино руин и уронив
и осушив все чаши,
зной –

вор дна ел олеандров
мякоть.

А лестниц белый шаг
до клавиш сшивал код –
лад, и камень нем, а кидал
от сухих уст – «О!»

Эхо их – о.

Эхо ихó!

Ихó! – Óхи...

У меня есть эхо
в Дельфах:

«Дай, оракул, злу карой ад!»

ДЕМОНОГРАФИКА

*Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края...
М.Лермонтов.*

Изнемогший в количестве огненных нор – черных дыр,
неся все чуждое земле,
в склонах гор видел лики,
их принимал за недвижных людей.
Не раз говорил им пароль вертикали,
не желая ответа,
обвала – едва ли,
горного эха, подобного стону.
Не железной не логикой всюду сражен,
когда на высшее обижен,
в тучах мчался обнажен.

В белое были одеты,
спускаясь вниз за водой,
в непонятном стремлении этом
себя заполнить жидким светом,
сделать свет внутри собой.
Жаром межзвездным себя ощущая,
доселе не зная заботы с таким,
осознал себя полом мужским,
затратой сил измерив разность,
дверь открыл мужской рукой.
Она бежала в темный камень –
мирный дом огней лампад.
Но понял он это как зов на свиданье,
что крестом обозначен таинственный сад
на карте горного района.

Как ныне сгущается южная лунная
одержимая розами тьма.
Касаясь перстами вибратора струнного,
ждет у окна она.

Томный голос воздух точит,
он же, попавший вибрациям в плен,
содрогаясь от губ до колен,
молчит.
Тяжкий инстинкт тяготенья земного
он вывел на волю,
он стал ему раб.
В ожиданье рывка основного,
как поезд арб,
тащился мозг.
Глядя в глаз ее светящий,
Мира ума он увидел воровку
и, тяжесть паденья губами смягчая,
утонул в ускользнувшую в темень воронку.
Соленый оползень ступеней
стал внезапностью опасен.
Жертвой будущих преступлений
она холодела вне этих объятий.
Сжав в кольцо свои поля,
все забыл о прошлой жизни.
Плавала память в сплошной кривизне,
Взрывались нейроны, волокна деля,
чужеродные токи сжигали сознание.
И не слышал, что сердце, слабея, смолкает
в ней и в нем, подруге вторя.
Он, подключенный к сознанию чуждому,
за чувства умом расплатиться бы мог,
но зачем ей разумное знание?
Чуда земного хотя бы частицу
сам не мог он добыть,
как из стали стекла.
Задача новая уму, мысль приятная текла –
сделать ее всем подобной огню.
Тогда же на грани земного предела
испарится ее водянистое ню,
станет искрой звездной тело.
Красоты ее здешней чужая природа,
владелица слез и добыча стенаний,

случайная прихоть, игра водорода
полезной станет, наконец,
вся – добыча новых знаний!

Сгибала даль окно крутое,
где в озерный барабан
тысячи палочек били стеклянно.
Уловлено тенью лицо золотое
ускользало усмешкой, уплывало луною.
Светясь от мыслей в полусне,
был он подобен кремнистому склону.
Она же – зеркалу пустому.

1985

Десант

Уже тяжелеют легкие,
леденеют ладони –
видишь,
в прозрачных погонах
резидент небесной разведки
на квадраты обстрела
делит лазурь стрекоза
libellula bella.
Огневые точки ее зрачки.
Стрела вертикали,
размах параллели,
летней метели
зуд и озноб.
Парашютистка,
ближе, чем близко,
спускается к сердцу,
разумна – безумна,
танцующий зуммер,
поцелуем в упор – прыжок!
Но улетела,
оставила тебя на произвол любви.
Каждое облако – благо,
если все небо – слепящий глаз.
Просьба?
Мольба?
Приказ!

Дождь на Ивана Купалу

В день зелёного тумана
русалка упала
в стекло.
Иван Купала
вослед ей закинул сеть –
выловил нас.
Сердце-поплавок ухнуло в холод.
Тянет в глубь любовный улов.
Волосы стали capelli* – капли –
дождю параллели,
как я тебе и постели.
Под парусом простыни
пльиви куда попало!
Иван Купала
русалку укрыл волной.
Упал ствол ДЕ-РЕ-ВА,
перечеркнул взгляд,
но зацепилась ветка за веко,
и уплыла лишь ДЕ...ВА,
а РЕ брэнчало на берегу.
В день зелёного тумана
идут за нами
рыбы с зонтами.
Бр-р-р...

* Волосы (итал.)

Дятел

Соловьиную дробь выбивает в извилистых спинах,
где ведет короед караван к сердцевине.
Он за прахом охотник,
он летающий плотник,
сторож доски гробовой.
Он висит в гамаке своих крыльев,
в деревянную кровлю одетый.
Треугольник чердачный подземного дома
скрипит.
Деревянный хрусталик смолистого глаза,
головой запрокинут назад,
он ударит в глухую трубу!
Выбираясь из кроны худыми стволами,
протягивает себя лес –
разъятая флейта.

Ежевечерний апокалипсис

Вот
рот
уже
ближе,
чем
дыхание,
материализованное холодом.
Чтение пальцами плеча
и – дальше, дальше! – по рисунку свитера.
Пресвитер света – неоновый Иоанн
свесил голову, светясь лицом,
лоцман улицы.
А ПОКА ЛИП СИСТолический шум
сверяют с кардиограммой города,
какое слово передает с языка на язык,
избегая речи,
двуликий Янус вечерних скамеек,
лицами повернутый внутрь?
Четыре зеленых глаза разъезжающихся такси
растягивают крест перекрестка,
пока в середине
не
вскрикНЕТ
праздный владелец хриплой трубы.
Какой звезды
ждет колодец
канализационный,
открытый забытым?
Сорванная печать
газетными обрывками
обнаруживает ветер,
но не между всеми:
так причален профиль к плечу,

что для рисунка двоих нужна
всего одна
линия в час.
А ПОКА ЛИП СИСТематический всхлип
укрывает пары
парусами прощаний,
отталкивая ковчег от парашюта шепота,
караван
контейнеРОВ
муСОРных
гремя огрызками дня,
перемешивает
банки судеб – бетонные блоки –
арматуру ребер – размах дверей –
внутренних зверей –
подземные переходы –
факел фары – взрыв зрачка –
буквы в небе – игла ужаса –
ступени головокружений –
тормозами визжа,
въезжает
в ежевечерний АПОКАЛИПСИС!

Жаворонок

Вестница высветила сцену и возвестила
Она вошла в воображаемый колодец
сходя с ума
по крутым ступеням
Жестом ограничила глубину воды над головой
где избравший ее тонул в любви
Да так и осталась статуей с обрушенным затылком
и море из-за-выше горизонта
любопытствовало в прорезях глаз
так улыбается кариатида отсветом прошедшего

Но театр ее отторг
она была слишком прозрачна
а в прозрачности есть доступность:
луны – в лунную ночь
солнца – в ясный день
ветра – в поле
святости – в монастыре

Тот кто вооружил ее вестью
был жестоко оправдан и прекрасно наказан
ты до сих пор плывешь в его взгляде
лодкой или лестницей
или доверчивой дверью
или с экрана монитора терзаешь его память
подробностями осени и зимы
Компьютер – он, но информация – она
Он проиграл тебе битву
твое сердцебиение – в битах любой информации
Это твоя месть –
честь –
весть –
о том, что даже ночью в городе среди ворон
может запеть ж а в о р о н о к

ненадолго

Заговор рек

Лагуна Юношеской Близости Илито Тепла Если
Лоза Южанка Бутылкой «Изабеллы» Тревожит Ежевечерне
«Лидию» Юбилейных Бокалов Инспектирует Тресковый Евнух

Лодки Юлят Бортами Избегая Траверса Единобрачья
Лопасты Юбок Бьются Из Темноты Едва
Линь Юркий Блеснет Искрами Телесных Единичек

Летит Юзом Бравада И Тяготит Естество
Ласка Ютится Бездонно Иная Теснина Ей
Лиман Юродивых Бережет Их Тайна Есть

Днепр Речи Утроит Гнев
Днестр Русалок Убежит Где Амазонка

Дон Радиоволн Уведомит Горизонты
Двина Ревности Утратит Глубинную Ауру

Даугава Разгула Уговорит Ганг
Дунай Рук Утратит Границу Антропоморфа

Замбези Африки Громом Охнет Внутрь Омута Рга
Заговор Рек Еле-Еле Терпит

Закат

Оборотень света и тени
Обморок водяного тела
Обретение потерянного времени
Обращенного к тупому концу стрелки
звнящей серебряным стременем

Медлительной стрелкой бегущего часа качается мачта
мечтая
с навстречу бегущим своим отражением слиться
С лица
циферблата смываются цифры
и циркуль
слепящий
уже очертил из чернеющей тучи границу

Гребень за гребень волна зацепила
поволокла потащила
красный клубок в лабиринте волн
на запад
где завтра
в водовороте потоков обратных
утонувшей волны неживая прозрачность
свернувшись улиткою водяной
бездыханно уходит на дно

Заклинание

Сердце твое – длинная змея, свернувшаяся в узел
– Это так, так, так
Она стягивает свои кольца все туже
– Да, да, да, это так
Она спит под высоким деревом
– Нет, нет, она не спит!
Она корни этого дерева
она ствол этого дерева
она ветви этого дерева
она семя этого дерева
– Нет змеи, нет, змея умерла
Я надену одежду змеиной кожи,
я сажей измажу лицо
я пойду в поле
– Нет, нет, там травы густы
Я ужалю птицу
– Нет, нет, птица улетит!
Я надену крылья летучей мыши
я стану летучей змеей
я полечу выше птицы
а птица будет лететь за мной
Станет дерево птицей моих корней
Так мы и будем вместе крутиться –
дерево
змея
птица.

ЗВЕЗДА

«Сошли сыны Божию на землю и стали входить к дочерям человеческим, их земной красотой обольщенные. Встретил Шамхазай одну девицу по имени Истеарь и пленился ею. Но Истеарь сказала: «Я соглашусь ответить на твою любовь, если ты откроешь мне «Шем-Гамфорош», произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь». Ангел исполнил ее требование. Тогда Истеарь произнесла святое имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за ее добродетель Всевышний обратил Истеарь в звезду и поместил ее в Плеяде».

Агада.

Всемирный потоп – брак земли и неба
скачет по волнам скорлупа ковчега
ни окон, ни дверей
полна горница зверей

Всемирный потоп
вдоль и поперек
по холмам по лицам
вниз по груди
вдоль ног
Смеется блудница:
«Я вознесусь на небо
я светлым светом буду сиять на восходе
осененная месяцем
возвещающая мессию»

Раскаты ее смеха
превращаются в раскаты грома

Пока Ной по волнам носился
Христос в пустыне постился
на каменной коже праматери пустыни
Из жаркого ее черва вышел, качаясь от ветра
Голубь вернулся с зеленой веткой
Ушла вода обратно от вершины Арарата
а на горе Арарат
растет крупный виноград

64

Не знавший вина
выпил Ной вина
развалился, задрал рубаху, в винограднике
а над ним крупной виноградиной
висит звезда Иштар
допотопное чудище
звезда двуполая –
утром женщина
вечером мужчина
Ной в смущении
Смеются сыновья над отцом
смеется отец над сыном
смеется звезда над ними –
мать жена и дочь
отцу мужу сыну и Святому Духу
в городе Содоме
над садами

– Лот
отдай нам твоих гостей
ждет
их брачная постель
ждет
их каменное ложе
и алтарь – богини лоно
Там
Сплетясь телами в танце
красоты познаем тайны
окровавленные плети
нам откроют тайны плоти
и звезда, сияя лоном
будет будет благосклонной
к нашему Содому

А когда напряглись в поцелуях уста
и на каждое ложе взошла Иштар
волной до горла –
раскаленная лава накрыла город

Вино глумливо, сикера буйна
с горя выпил Лот много вина
сикера буйна, вино глумливо
дочери Лота нетерпеливы
– Да будет нам мужем наш отец
наш бог-отец, наш творец
да будет отец нам во имя сына
да будет сын нам отца во имя
да не прервется наш род, о, Аштарот!

А пока на земле творится брак астральный
переходит на небе Таммуз в Астарту
преображается мужское тело в женское
до последней капли блаженства
превращается в утро вечер
переходит в Венеру Веспер

Спит Господь умиротворенный
после мира творенья
Спит Адам перед Евы явлением
обращенный к Луне ребром прободенным
Спин Ной
обвитый виноградной лозой
В комнате, пропахшей мускусом и лавандой
спит Иаков, обманутый Лаваном
Спит Иосиф в девственном чреве Рахили
прозревая разгадку снов фараона
Спит Моисей в тростниковой корзине
Спят апостолы после тайной вечери
А над краем неба разлеглась Иштар – Венера
склонила виноградные грозди
полные вином Нового Завета
Камень отвален волной света
спит стража у двери гроба
вечного гроба
пуста утроба

1978

Зверь музыки

Выпусти руку из клетки –
все семь пальцев
она сама себе лестница и зверь
пусть она обследует изгиб дыханья
западая в клапаны не навсегда
В ней бросок со всех сторон
зебра – тигр
выбегающий толчками из венка мышц
На руднике бараньих жил
смычком прикована к крупу скрипки
конь-рука копытит колоратурное си
В паутине звука
восьминогая рука
боком-боком спешит к дрожанью
притрагивается – отбегая
отбегает – притрагиваясь

Зимний садовник

– Кто там с лунным фонарем
под моим окном?
– Это я, ночной садовник,
зимний человек.
– Что ты делаешь, садовник?
– Я сажаю снег.
– Что ты, лучше и не пробуй,
снег не семена.
– Из него растут сугробы
прямо до окна.
– Что ты зря на ветки дышишь,
сад заледенел.
– Я хочу, чтоб иней пышный
на ветвях созрел.
– Ты скажи, садовник зимний,
лунный человек,
отчего лучится иней,
стекленеет снег,
отчего хрустят дорожки,
зорок звездный взгляд?
– На стекле в твоём окошке
вырос снежный сад.

Знание

Экскаватор – координатор рока – роет небесный грунт
он прокладывает траншею для аэровозов грядущего
Праздник его прибытия обретает символы осторожности
Логика акведука – свинцовая история Рима
в несостояниях ее лабиринта множественность следов
Марсианские заморозки этичны в степени Холод-ЭС
Химия луны смеется над умноженным фосфором
Камень строит себя человеком из кристаллов недоумений
Параллельные рельсы все же пересекаются в недрах полустанков
это точно известно машинисту Лобачевскому
ежедневно выезжающему из черной дыры депо
по рельсам геометрии высшего смысла.

Иероглиф тигра

Пластику ветки
перебором позвонков повторяя,
графику зарослей
на себе несет,
в лунораспаде
мандарина ночи
на фазы
фанза луны
четырехоконна.
Утреннее разумение
без ночных опасений – что?
Следопыт тропы,
старатель обзора
горизонт сводит к вертикали зрачка,
пока
ветер,
листаемый летящими плоскостями листьев,
ежится
иероглифом робости
над прописью
свежеокруглых следов.

Из тьмы во тьму

Незачем мне запоминать их имена
когда мчатся пылая
черными зеркалами
отвергая отражения серым серебром
облизываясь мокрой вишней
превращаясь в ящериц в сетях бульваров
фарами читая тьму

ТЬМА –
ТОМА книги мрака
развернутая ТОРА дороги
где знаки – звездного СОРА шорох
речная СУРА Корана
весы СУДА – мосты
забытого САДА ограда
где заблудилась САМА ночь –
черная ДАМА
из карточного ДОМА
всего лишь страница ТОМА
из книги ТЬМА
где они забывают свои имена
когда сердце покидает стальную грудную клетку
запирая дверцу на ключ
В скорости есть COR – сердце.

Иссык-Куль

Буря

Справа налево гонит ветер
арабскую вязь волн
Белогривый алеф выступает первым –
бредет алфавитный вол
Пашню бурливую плугом сквозящим
ветер ведет
Разгладит и снова
по синей основе
вихляющий пахарь бредет
Жертвенный конь с возрастающей гривой
справа налево бежит
К жизни воззвал этот бег торопливый
глаз
источающий спелую сливу
истины жаждущий
нетерпеливый
перышка легкий нажим
Ветер
вскрывающий туче набрякшую вену
Луч вопиюще трехгранный
сверкает пред ним

Лисица

Тронь струну, тронь,
спесивая лисица,
берегом, берегом бегом.
Под рубашкой твоей ледник живота,
бежит коса твоего хвоста,
искоса лиса глядит.

Дон-дон, долины ладонь
полянками серебрится,
травами, травами тропа.

Под рубашкой твоей, лиса,
верблюжье копыто,
пуля светится у виска,
перекладина высока,
на которой шкура твоя, лиса,
висит.

В утробе горы
гром говорит:
«Лисица-лиса,
твоего лица
оскал
в небе остыл.
Это бровь твоя или рот
белой костью горло дерет.
Молния, молния моя
тебя сожжет!»
Тянется телом, шарит очами лиса –
спрячь среди туч!
Этот гром
разинутым ртом
зубы ломает твоим хребтом,
падая в пасть гор.

Слово

Распахнутая пасть небесных гор
А в глубине – язык громов
ворчащий
ворочающий тучи
прязык
Вначале горло внутрь себя слова глотает
Слово-шар
бежит по краю гор
сужая круг
и в глубине ложится
синеющего озера лисицей
закатывая обморочный взгляд

чтобы ожить
когда ворона грома
слетит клевать зрачок –
немую букву
на кончике корундовой иглы

Розы и горы

Темени звездного бьется в ночи родничок
Розы разворачиваются
Горы разворачиваются
В мякоти сердцевины грозит грозы кулачок
Электрических нитей переплетенье
дергают гор колокольные тени
Травы бросают лассо аромата
Ветер кольцом выгибает шею
Топот коровий овечий шелест
В шерсти овечьей
глаз бесконечный
из завитка в завиток
перебегает зрачок
Звезды икрой лягушиной ложатся на дно
Из месяца –
носика невидимого кувшина
проливается молодое вино

1981

Итальянский и русские ад (авторская билингва)

L'inferno
é
l'inverno
nel cuore –

Ад
это зимний хлад
в сердце

Июль

Тысячеглазый
ты медлишь над краем цветка
на плахе отвесной
в серебряной сетке палач
Спина у пчелы под седлом онемела
дальше лети улетай
в зеленое небо оврага
в ограде
из пальцев
сведенных замком на затылке
На пяльцах
распятый покров
Вышивальщица
голову клонит над мятным узором
в ресницах блуждает пчела
колет ей щеку вышивальной иглой
Улыбаясь изнанкой лица
вышивальщица
глотает крыжовник

Йорик

Йорик (компьютерная программа):
– Добро пожаловать, Гамлет! (Осыпается)

Гамлет (компьютерный вирус):
– Бедный Йорик!

Капитан

Неведомый капитан корабля дозора
взглядом оглаживает простор.
Рост его соразмерен мачте фок,
фокус его бинокля
сосредоточен в местах катастроф.
Ров синевы зеленой,
кров тем, кому дом – дно.
Капитан осторожен в своих отраженьях,
он идет над видимой глубиной,
ориентируясь по карте системы кровообращения.
Волны вспенены языками на восток.
Крови ток
ловит волновой пас
сбивая компас
на полнолуние.
В руке у капитана стакан –
буря бродит в граненом стекле, но капитан
укрошает бурю одним глотком.
Буря, теряя форму стакана,
принимает форму души океана
на дне,
где в глубине,
невозможной земному зренью,
регенерируют реи,
пломбируются палубы,
затягиваются в бортах пробоины,
срастаются снасти и паруса,
пока не вострубят на все голоса
раковины из глубины.
А когда корабли восстанут,
их станет больше, чем чаек,
больше, чем ангелов отражается в куполах.
Но приливы, притянутые луной,
выплеснут их за пределы земного света,
где в звездной пене летит комета –
капитан.

Картина

Глаз, не стен избегая,
парить, висеть не хотела картина.
Рама, не бесконечность вокруг.
Ночи заговор ломал луч –
кисть не летала,
растекался свет, цвет не видел он,
сияние в небытие сгущалось,
возникала, но таяла линия,
бел был холст.
Холст был бел,
Линия таяла, но возникала.
Сгущалось небытие в сияние.
Он видел не цвет – свет растекался,
летала не кисть –
луч ломал заговор ночи.
Вокруг бесконечность, не рама.
Картина хотела не висеть – парить,
избегая стен, не глаз.

Квадрат

Я вырубаю желтый ток
обнажаю черный квадрат окна
в нем пылает солнце
спрессованное в каменном угле
сдавленное до алмаза
ограненного руками Спинозы
Его размывал Рембрандт ван Дождь
излучаясь навстречу формулой:
черное = золотому
В нем глубинное масло земли
горящее факелами скважин
голубые ладошки газа
заманивают в темноту
где он – отец травы
Корни рвут полотно
проталкивается зелень к небу
которое сейчас
прямо сейчас
вот-вот
разорвет
молния
И тогда рушится рама
проваливаясь
в кратерквадрат

Клоун лун

Клоун лун
заглянул
в кольцо окружения звездных ежей
опутавших небо проволокой колючих мерцаний,
где планеты-арестанты,
приговоренные к орбитам,
за преступления аномальные –
астральные,
измеряют периметр двора
вокруг Джордано Бруно.
Клоун лун
нырнул
в трубу Галилея,
скользнул сквозь линзы,
взглядом завис над лагерем планет,
планируя побег заключенных
через черную дыру.
Но Джордано утек другим путем –
через солнечный костер.
Был bruno – «коричневый», земляной,
стал горящим Джордано –
небесным Иорданом,
звездной рекой.
А клоун лун
колпак на уши натянул,
хохочет:
«Все мы
пленники одной системы –
солнечной!»

Клуб

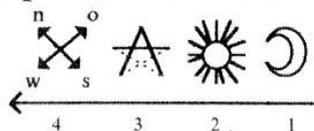
Тайные участницы клуба
носят в сумках клубки,
искушая спицами спутников
по поездкам подземным.
В середине руки перетекает сфера.
Вязальщицы сверяют ц-ц-ц спиц и пальцев,
социума и цинизма,
а в середине мотка зародыш жизни
кормится червячками ч-ч чулок и перчаток.
Вязальщицы – тайные арабы вязи –
отдают в-з взгляда
возникновению,
вызревающему визуально в зернах петель,
распаянных в подземельях,
где взвизгивают колеса,
высекая с-к-р искр из скрежета,
и скрипучее ре дверей
выпускает ру рук,
скрученных уже рукавом супружества.

Стянуты бантом Н
жених и невеста.
Сопряжены пряжкой Ж
муж и жена.
От Н к Ж мостик «нежность»,
лесенка «желание» к домику «жизнь».
– Что это ты, бабушка, прядешь?
– Нить жизни нижу.
– Что это ты, мама, измеряешь?
– Ее протяженность.
– А что это девочка с ножницами бежит?
– Пир открывать пора!

Пир – это πR ,
 π , умноженное на R ,

половина длины окружности.
Чтобы круг замкнулся,
нужно $2 \pi R$ –
пир внутри и снаружи,
пир крови и кожи.
Пиру – пир!
Здесь
выпустят вас
из
кожи,
уже сожженной.
Здесь
освободят вас
от двояковыпуклых линз,
окрашенных железом,
заменяя Ж жизни на Ц свинца
цвета непроницания.
Здесь
развяжут вязь вен,
распутают паутину нервов,
смотают волокна мышц,
спрядут кудель мозга,
смотают в клубок,
пронзят вибрирующей спицей
три пряжи-вязальщицы,
три сестрицы,
тайные участницы клуба,
хранительницы клубка,
направляющие спицами спутники вокруг планет...
А что будет потом,
там,
каждый узнает один,
сам.

Слово вначале было имя
царицы Востока - Соах

вдох - АХ

С Запада прочитали - Хаос

выдох - ХА

Соединились вдох-выдох

в СоАХХаоС

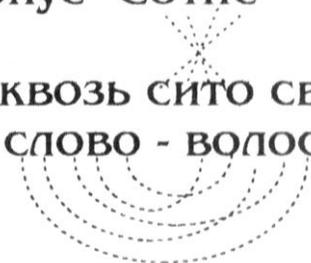
слово обрело
две икс-хромосомы
Стала матерью времени,
вспахала мир соха

В свой черед взошел

Сириус Сотис

просеял сквозь сито свет
вытянул слово - ВОЛОС

связал иначе:

3 1 7 2 4 5 6 3 11 10 11 12

с и р и у с х с о т и с =

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

= и и с у с х р и с т о с

у х

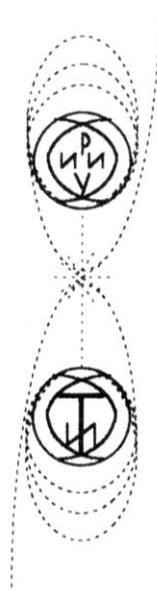
ввел игрек-хромосому -
стал отцом и сыном -
нарушил симметрию -
разорвал круг времени -
ввел хрип в гармоню:

ХРуст костей
ХРип губ
ХРюканье толпы
ХРап стражи
ХРомота дьявола
ХРонос уходящий

Сириус - Сотис -
собачья звезда -
откуда собака
пришла,
не знали волхвы,
но шли за ней.
Она оглядывалась,
смеясь
клыками
и глазом-звездой,
когда
обратно в Египет
вела осла
 послушного ее следам.

ХРусталик глаза
ХРизолит луча
ХРабрость сердца
ХРанитель души
ХРам будущего
ХРебет мира

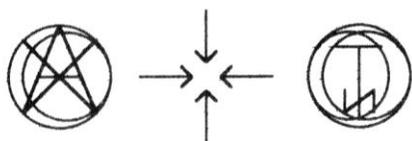

Тогда разделились
Хаос и Соах
Он вошел в толпу,
она в звезду.
Любит над
горизонтом
ходить низко так,
что камнями побить
хочет толпа.
Но страх не ведом ей:
камень не тяжелей,
чем грех.

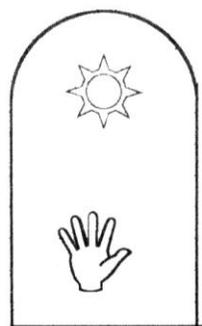

А собака сидела
у ног ее,
кроткий гром
рокотал внутри нее,
белели резцы зубов,
словно зубцы
далеких гор,
из-за которых
всходил Сотис

Была она,
 был он,
 хаос был кругом,
 но встретились
 взгляды-лучи -
 вспыхнул свет -
 возник крест.

Утром
 они встретятся
 у камня -
 глазами,
 но не руками.

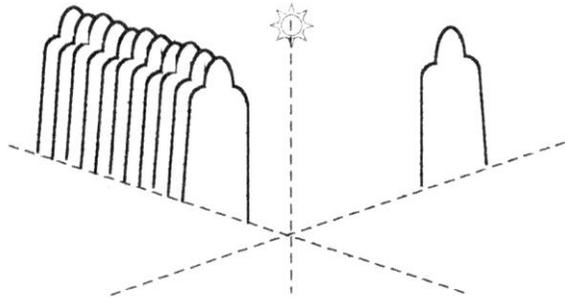
Собака лежала у стола,
 но только взошла
 звезда,
 встал Иуда, и за
 ним собака пошла,
 молчаливая, как судьба,
 не отставая, до конца,
 пока не увидела
 снизу вверх лица,
 когда качала тело осина,
 листьями всеми
 дрожа

А стрелки упорно
 резали день -
 12 распались - настала темь -
 часы накрыла Иуды тень.

Камень лежал
на том же месте,
они все вместе
его подняли.

А под камнем была собака,
вернее, то, что было собакой,
вроде проекции собаки,
как бы рисунок собаки
или тень собаки
в театре теней.
Они стояли колоннадой теней,
а Сириус-Сотис -
собачья звезда -
всходил на уровне его лба -

Ничего не зная
о скорости света,
они вдруг поняли сами,
что камень
отбросила вспышка света
изнутри.
Он протянул руку
вслед за Сириусом лучом -
и собака обрела объем,
поднялась,
отряхнулась
и села у ног его
неизвестным знаком
той математики света,
с которой не каждый знаком.

$$\begin{aligned} & \left(\text{C} \begin{array}{c} \text{I} \\ \text{N} \end{array} \text{C} \right) \times \left(\text{C} \begin{array}{c} \text{P} \\ \text{I} \text{Y} \text{N} \end{array} \text{C} \right) = \\ & = \left(\text{C} \begin{array}{c} \text{I} \text{N} \\ \text{Y} \end{array} \text{C} \right) \left(\text{C} \begin{array}{c} \text{P} \\ \text{I} \end{array} \text{C} \right) \end{aligned}$$

* * *

Когда соревнуются
звонок дверной и звонок телефонный,
юбка не успевает нагнать колени.
В комнатном омуте луч дневной
взрывает глубь не ночного забвенья
Во тьме затылка рука блуждает,
странствует,
доверяясь телесным волнам.
Два часа тысячелетней пропасти ожиданья
в щекочущий шрам
срастаются
И в ответ на все «почему»
озноб принимает форму тела
Так легко потерять свое тело,
изведав глаз золотую тьму
Пусть в закоулках кошачьих игр
полдень провалится в карюю полночь
Арфа волос моих,
на согнутый локоть
натянутая,
звенит
дикой мелодией на диске краденном
в клипах неистовых оконных экранов
в домах бессонных:
«Когда соревнуются
звонок дверной и звонок телефонный...»

Колесо

Скри-и-ипит колесо
Скри-и-ипит колесо

анилиновый закат
упирается в затылок
мимо двоих умирающих в поцелуе
зомби крадется тропой озноба

Скри-и-ипит колесо

лиана попалась в собственные петли
умри, лиана, умри!
лев поджигает гривой обруч луны

Скри-и-ипит колесо

Индра остановил колесницу
снял с колеса скрип
вылепил безголосую птицу

Тихо-тихо едет колесница
на ветке птица:

Скри-и-ипит колесо
Скри-и-ипит колесо

Конь

Имея Дум Итог, Конь Опыта Ментальных Номеров
Единственный – конь из доски ступил на клетки сна: сон
сделал ход конем – он в букву Г согнул коня колено, и
ниже этажом стал сон.

Исток Доверья Игр, Кларнет Ответа, Медленный Напев
Естественный тянул в машинный зал, где приглушен шум
мозга сном, но образ Г-ноги сквозь пол в подвал подсоонных
помещений вел.

Извечных Дней Игра, Когорта Ока Мрака Наследников Египта, где
воздуха озон искрил, скрепленный сетью сил доски, прозрачной до
решетки, перебирая четки вариантов, выбирая очередной зигзаг,
проваливаясь вниз побегом.

Игра Династий Индии, Коварных, Отягощенных Мнимой Немотой
Единоборства палача с веревкой под буквой Г в амебе мозга, застывшем в
перетяжке – рокировке, где память – перегрузка перед взлетом, но
спасенье там единственно и равнозначно строгому углу.

Избегни Детских Истин, Которые Оптически Малы Навзрыд Еще, отстреливайся
гулом коридоров от степени усталости ума. ИДИ КО МНЕ – за поворотом конь,
он Г-прыжок готовит, которому не ведомы законы – законы загражденья для
людей.

Сог-корабль

Сердце – СОР–КОРабль
CROss-крест внутри трюма
пробоины в переборках
проливы – приливы – фьорд аорты
СОР–КОРабль – КОРоль – сердце
изнутри миром правит
плавит металлы в кратере страсти
плывет в магме
магнитом тянет железо из звезд –
КОРм КРОви
СОР–КОРабль - КОРвет – сердце
мерцают пульсы
пульсируют снасти
паруса-протуберанцы
в КОРоне солнца
горят в эфире
Мы – твое море
КОР – КОРсар!

Король лир

Музыкальная шкатулка

Король

Я – король лир.

Королевство лир – мой мир.

У меня три дочери-лиры:

Лора, Лара, Лера.

Когда молчат,

они голы,

мелодия – платье их,

одевает мелодия тело.

Лиры – Лора, Лара,

Лера – лира.

Первый рыцарь

Лир король, отдай мне Лару.

Горло Лары – клад,

в нем клавишный лад,

в нем даль рыданий,

в нем ларго смеха,

Лара – ларь ладана.

Кларнета!

Второй рыцарь

Лору мне, Лору, король,

королевну оленей.

Кровь моя бродит

и бредит лишь Лорой.

Лорою я обескровлен,

кров мой разломан,

ором колонн оглушен.

Лору мне, Лору!

Третий рыцарь

Лера лезвия резвей,

розовее резеды.

Лера – времени реле,

мне отмеривает жизнь.

Лера – лес заповедный,

ребенок речного плеска.

Лера – клевер и клен,

Лера – ревность.

Я – Леры орел.

Лиры

Слушайте, рыцари лир!

Друг в друга играя,

друг друга ревнуя,

мы круг свой замкнули

скрипичным ключом.

Придите к нам,

нами играйте,

войдите в наш круг

и разбейте

лады

ради любви.

Рыцари.

Три рыцаря, три лиры –

два трио.

Упругое эхо

скачет орехом

в горле звенящей подруги.

Вместим ли друг друга?

В уключинах меч мой скрипит

о моей триединой невесте.

Вместе, вместе

лиры – Лора, Лара,

Лера – лира.

Косцы

В воде стояла неба пустота.
Бабочки дрожали возле рта.
Тяжелых капель зеркала летели –
там острой сталью в воздухе звенели,
в них отражаясь,
черные косцы.
Земля плыла вдоль неба под косой,
тяжелой ртути зеркало качая.
В нем двойника двойник не замечая
белел оскалом над немой косой.
Бежали в берег черные круги,
сверкало лезвие сквозь воду,
подстерегая первый луч восхода,
качался мерный маятник руки.
Там солнце, рассеченное косой,
распалось вдруг на два слепящих круга,
и колебалась чашами весов
горизонталь над вертикалью круга,
и вкладывались бабочки друг в друга.

Красивые

Тен чениго иревекас депарга
Нет ничего красивее гепарда
Ягуар – гяур, гений угрозы
Красивые всегда грозны
Нио гвесад – они всегда.

Тигр и зебра вроде играют в одну игру
Мавра-ревнивца над ланью
играет пантера, рыча
Лев играет царя молча
Он властью солнца свят
Красивые всегда играют
Аргия яргот – играя горят
Нио гвесад

Перекатывая гортанью гравий,
вверх – пружина – прыжок –
леопард
Красивые всегда правы
Нио гвесад
Оге муш немшубес –
Его шум бесшумен.
Безумен
кто не отвел взгляд.

Красивые вроде хищные пляжи
или прожорливые ковры,
где внутри
огненные шары перебегают.
Не засыпай, тебя растерзают.
Не убегай – все равно растерзают.
Красивые всегда терзают
Он ен од мертис –
но не до смерти.
Но не до смерти –
он ен од мертис.

Кроссворд

ПоцелУй пересекает кУхню в клетке У
и потомУ имеет вкУс лУка
В свою очередь луК
вместе с Картошкой
морКовкой
Капустой и
СвеКлой
пересекается с Кастрюлей
в клетке К
котоРая
в клетке Р
пеРесекается с боРщом
А
блины
и
сковорода
не пересекаются
потому что они параллельны

Крот

Где шерсть лесная дыбится горбом,
это всего лишь усердный крот
совершенствует свой дом.
Герой геодезии карт,
он ландшафт исправляет,
он Эсхера ученик –
выходит вверх, уходя вниз.
Если сделать землю стеклянной,
можно следить,
как крот
оставляет в земле ход,
оставляя собой след.
Когда вся земля
есть одна слепота,
крот ей делает свет внутрь,
не зная,
что его свет есть тьма.
Математик живота,
он матрицу себя переводит в грунт.
Земля изнутри – это крот внутри.
Внутри крота карта
всех лабиринтов и катакомб.
Корни деревьев – его деревья,
подземный сад, галерея.
Там вода протекает сверху наверх.
Вода без света –
всего лишь влага и шум.
Крот, вытащенный на свет, –
это кукла в кротовой шубе.
Крот без руки внутри –
это мертвый крот.
Дерево ветвей живого крота не знает.
Дерево корней с кротом знакомо,
когда крот прогуливает шубу
внутри своего дома.

Лад ладони

Не позволяй никому чужому
вникать в рисунок твоей ладони.
Из-за небрежного прикосновенья
формула смысла изменит значение,
линия взлета собьется с пути
и превратится в крутые ступени.

Эти ступени в степени стен
эти стены в степени солнц
эти солнца в степени ос
эти осы – везде глаза.
Правый глаз называют Эрэль,
в нем жук оживает вслед за осой;
левый глаз именуют Глор,
он множит хрусталиком стекла дней;
третий глаз погружен во тьму,
Эрчи Релейдер имя ему.
Руки находят на теле
множество тайных имен,
когда в темноте
постигают телесный объем.

На левой ладони –
всеобщий чертеж,
его изучает медленный взгляд жука.
На правой ладони –
каждому личный рельеф,
его повторяют в воздухе быстрые взгляды ос.
Это окно в квадрате луны,
это деревья в кубе домов,
это прозрачные дробы дождя,
нет им решенья в пределах дня,

это круглые скобки век,
что прикрывают формулу сна.

Сложи ладони обложкой книги себя,
она проста и доступна,
словно узор
на луне.
Там тайное тайно,
а явное – тайно вдвойне.

Лень
(Натюрморт с апельсином)

Спелая
полузагорелая
розово-коричневая
припудренная корицей
полу-усталая
причудливо-сонная
клейменная
в бедро
черно-золотобуквенным ромбом:

Maroc

блуждает в горе голубых ракушек
давя ногами хрупкие дома.
Туго стянутая в бандероль апельсина
катается по песку
среди перламутровых удлиненных тарелок
расставленных в строгом беспорядке
когда кто-то,
подменяя горизонт плечами
смягчая белизной округлостью рук остроту лезвия
разденет плод до флердоранжа
впадая-падая в море,
Черное, как Марокко –
золотобуквенное слово,
перевернутое в отраженьи –
koraM.

Глухое одеяло ночи
белеет простынями рассвета
Черный ромб распался на два треугольника
и улетел.

Рисунок Константина Кедрова

Лестница

Две птицы,
соединенные крученым шнуром.
Три птицы,
соединенные медной цепочкой.
Четыре птицы,
соединенные шелковым платком.
И многие другие,
объединенные идеей лестницы
из воздушных квадратов.
Щебет, свист –
лестницы поют клювами вниз.
Морские рыбы вторят хоралу,
красный коралл
прорастает в сердцах,
кальций мерцает или
кремний на крыльях.
Лестница птиц видит лестницу снов –
птичий сфинкс.

Мир строился сверху вниз,
будто падая ниц
с лест-
 ниц,
стра-
 ниц,
рес-
 ниц.
Так и мы опускались –
ледяными словами туманы творить,
изобретать ураганы, тайфуны, цунами.
Но зато мы придумали штиль –
океаны учить отраженью.
Но зато мы внедрили жесты в деревья,

а еще сочинили верблюда, жирафа,
уконоса, лемура, тапира
и муравьиного льва.
Но когда мы, наладив песчаные бури,
уснули смотреть в телескоп через камень,
лестница птиц развернулась над нами
и вознесла нас обратно на небо –
смеяться любить.

Летний императив

Погружай

в шмелиные рукава руки

Окружай

кольчугой стрекоз торс

в мерцающей азбуке

жуж-зуз-вз-з-з

открывая-закрывая

двери-двери-двери

крыльями в-из в-из в-из

шелковый транс трав

Жук зеленого зренья ползет в закат

Фосфорный жук – смотреть ночь

Сумрачные соцветия

нецветные цветы –

вам вить-вить-вить веревки из аромата

вязать канаты

Западая на запах

зависая в движеньях

качайся в душистых сетях

татуированный тенью

Пепельные призраки

бледные привиденья

открывают-закрывают

двери-двери-двери

крыльями из-за из-за из-за

воздух владеют тайные знаки

Мы их изучим –

закрой глаза!

Луна и мрак

ЗАКАТ ЗАХВАТИЛ лес

СТВОЛЫ ЗАСЛОНИЛИ омуты тьмы

Олово стало ЗОЛОТО

Валун был ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

ТОРЖЕСТВО АЛХИМИИ победило неверие

Пелась не СВАДЬБА –

ВЕЧНОЕ не единение молчащего и светящей

Ей ПЛЫТЬ не острой звездой – планетой

Ему БЫТЬ не видимым – осязательным

ЛЕТЯТ, не теряя друг друга

ЛУНА И МРАК

ЛЕС ЗАХВАТИЛ закат

ТЬМЫ ОМУТЫ заслонили стволы

Золото стало ОЛОВО

Камень философский был ВАЛУН

НЕВЕРИЕ победило алхимию торжество

Свадьба НЕ пелась:

светящей и молчащего единенье НЕ ВЕЧНОЕ

планетой, звездой острой НЕ ПЛЫТЬ ей

осознанным, видимым НЕ БЫТЬ ему

друг друга теряя, НЕ ЛЕТЯТ

Рисунок Галины Мальцевой
112

Люди огня

Мы – сыны ОГНЯ
дочери ОГНЯ
мы среди ОГНЯ не сторим
Брошенные в ПЛАМЯ
наше тело-ПЛАМЯ
мы не предадим
Мы среди ОГНЯ
мы – душа ОГНЯ
каждый человек – ПЛАМЕНИ язык
Мы играем
мы сверкаем
мы горим и не сгораем
пляшет ПЛАМЯ
языками
в нас
Если нет в тебе ОГНЯ
не ходи вблизи ОГНЯ
берегись детей ОГНЯ
не глядись в глаза ОГНЯ
не коснись рукой ОГНЯ
Вмиг испепелит тебя
ПЛАМЕНЬ-человек.

Майский жук

Майский жук,
ударяющий с лета в лоб,
влетающий в крону волос.
Настоящее дерево я,
шелестящее,
где живут жуки и звезды,
где птицы строят гнезда
и уже поет скворец.

Майский жук
шуршит в коробке спичечной,
словно крошка-репродуктор возле уха,
словно раковина морская,
только он еще летает
и жужжит
Дом летает
и жужжит,
сад летает
и жужжит.
Кверху лапками мелькая,
суетливо жук лежит.
В темноте окно зажжется,
лбом в стекло упрется
кто-то,
кто-то в трубку помолчит,
и в решеточку дыханья
сквозь окно заглянет май.
Мой
жужжащий телефон –
это лишь воспоминанье
о жуке,
что, улетаю,
никогда не обернется,

потому что жук не может,
обернувшись,
не упасть.

Этот смуглый,
этот серый,
и коричневый,
и спелый
ж-ж-ж-ж-жук.

Marina

Корабли качают носами
 но сами
 ни с места
 Из мести
 их будто кто-то когтем железа
 врезал
 в дно
 Днем
 чайки кричат
 чад
 из камбуза
 За
 обедом капитан
 тан-
 го слушает и пьет вино
 Но-
 вости одни и те же –
 ртвы времени
 Имени-
 ны боцмана –
 бочка вина
 матросам
 А сам
 уже пьян
 Я н-
 а корабле юнга
 Юга
 жаркое солнце
 це-
 лует мне лоб
 Об-
 Морок

Марионетки

На клетчатом пледе – ковре-самолете,
летать обреченном,
незванные дети
играли фигуркой точеной
(а это была душа).
Громоздкие дети, лентяи, тупицы
пытались любить научиться.
Фигурка сияла
(а это была душа),
в ней искренность пела
среди зернышек синего цвета,
она раздражала детей
несомненностью этого света.
«Она не по правилам...» –
дети канючили.
Только напрасно –
она была маленький тайный фонарик.
Кукольник цвета стены был невидим и кроток.
Он волосы пудрил цементом,
а тело сгибал арматурой железной.
Своей электрически гибкой улыбкой он расцветал
над оргией этой, болезненной и бесполезной.
Дети, чинно сползая с ковра-самолета,
клеточки пледа тщательно расправляли
и говорили:
«Спасибо, мы придем еще, полетаем».
Их прощали в передней даровым поцелуем,
то ли петлю с шеи снимая,
то ли крючок из губы вынимая.
И уходили они, кукловодом своим уводимые.
Он, домами шагая,
качал крестовину,
маскируясь дугою трамвая
и двери за ними железной рукой закрывая.

Март

Размороженный крик петуха
прорвался из небесного курятника
скорлупа снега хрустнула
цыпленок отряхнулся
от трех месяцев зимы
вырос и пошел
печатая трехгранные следы цепочек
Он дрался с голубями
перечил дворникам
объявлял себя первым министром марта
преемником прошлогоднего апреля
провозвестником мая

Март – конверт
поздравительных посланий
небесного ящика
весенней почты
Адресат неизвестен
почтальон беспечен
письмо останется в сумке
согнутого подковой месяца

Март – заспанный брат зимы
обладающий плохой памятью
играющий апельсинами
привезенными бог знает откуда –
с того света
из того света
из Нового Света
из старой тьмы

А был он прежде
чернобелый
пластроннофрачный

всегдадуэльный
каминнопламенный
Он накручивал на шею улицу
надевал фраком близлежащую площадь
такую протертую с изнанки
шинами манишек

Весна была совсем близко
Она качалась на коромыслах его плеч
Он собирал ее вздорный плач
на вереницу электричек
чиркал зажигалкой
и скучал...

Если хочешь узнать время
вычти луну из солнца
минуты – суета микромира
а твое время никогда не кончится
ибо сказано в писании:
«Не тестируй своего Господа»
(если, конечно, читать на английском языке).

Марш

Истинный музыкант пренебрегает инструментами,
предназначенными для извлечения музыки из звука.
Рано или поздно он отталкивает странное сооружение,
обреченное на зеркальную черноту,
ввинчивается штопором табурета
сквозь плафоны потолка и полы паркета
прямо в штольни Силезии.
Его замурованному в камне сердцу
ничто не мешает отзываться
руладам Рура и басам Донбасса.
Он выслеживает путь тысячелетней капли
сквозь миллиарднолетние пласты породы,
чтобы ударить в лобную кость
миллионнолетнего черепа.
Отныне он гражданин
вольной республики свободных ударов.
Он бьет камнями по гусеницам танков,
фотонами по сетчатке глаза,
улавливает подземные толчки
сквозь кимберлитовые зрачки
алмазной Родезии.
Он изобретает знаки для записи солнечного удара
на нотно-прокатном стане,
удара птицы о стекло,
мотылька о лампу,
боксерской перчатки о челюсть.
Отныне его трехногий, звукосыпучий,
капельноразбегающийся,
построенный в форме гроба для арфы рояль
достоин быть разбит,
чтобы в момент удара перестать быть
инструментом для добывания
всего лишь музыки
из
звука.

Маска

Маска – это мазок без краски
это кисть, стирающая лица
Кто в маске, тот без лица
Кружевные движенья мимических мышц
соберут лицо –
маска станет лицом
Слой за слоем
она обретает слово
Сладкая маска –
из леденцовой массы,
холодная –
из кубиков льда,
маска согласья –
из да-да-да,
зеркальные маски
кидают друг другу свои отраженья,
гримасничают, забывая,
что маска прозрачна...
Увеличительная маска –
линза лица,
дикая пляска
гримас под микроскопом,
где блохе не припрятать подкованной пятки,
прятки
в комнате без углов,
улов
пустоты
на бесплодном мосту ожидания,
маска улыбки на маске страха...
Оставим маскам
представлять свои маски
на местах не свободных от масок!

Машина зимы

Нужны
особенно ледяны-
е пальцы для запуска зимней машины
Существует тайна связь-схема
между центрами льда и смеха
Зима – белая маска
мима
Небо
немо когда
снег
зима не-
мая
Чертеж зимы
за чертой
речи
В каждой детали-снежинке – оса
о сад
летящего льда
где танцует
па-де-с-ног
пролетает сквозь
дно-Пегас
опускается
него-спад
рассыпается
снег-по-ад
обнимается
снегопад

Медитация на меди

Бредят фактурой
гравюры
на меди
медиевисты –
им медь
металл тайн,
где
в пчелиной страде
труда
вычерчивал на меди мед –
сад
Христовых страстей и страданий гравер,
исповедуя медной зеленью легких
дней недолгих
философию пчел
семьи за плечами.
Медленная дрема
медальона ее лица
медью наведена рукой ревнивца,
дева с младенцем –
дневная звезда над колодцем,
одевая пыльцой медоносной
царицу-пчелу –
иглу
гравера,
ужалившую нас
медиевалью сквозь
свинец
страниц.
Ниц
луч
бледной медали солнца
сочится,
сходит витраж через

лестницей в череп
медика-аптекаря,
титрующего капли купороса
меди ума
гравера –
древнего друга
в едином кругу
друзей
вокруг
Большой и Малой Медведицы.
Дочь вся из меда лица
и меди волос
свадьбой смела с небес звезду отца.
Он как бы хочет взойти за ней на небо ногами –
навзничь – его несут по дороге,
кольцами медного змея вернувшей
из долгого странствия
доброго сына,
дабы снова
полнился медным
медовым гудением
дом
гравера на меди. Аминь.

* * *

Молнии – нервные волокна неба
Небо нервничает в грозу

Морские пчелы

Где рокот волн у скал,
Там шелест морских пчел.

Вчера Пчела
с чужого Чела
Ела
Лакомый мед -
Ам! – ума.
– Аум, – сказала
и вознеслась.

Бензин изначально подземен.
Он со свистом сдувает машины в ад.
Ветер моря имеет вес веры –
в нем пчелы морские жужжат.
Жатва Бога – шторм.
В каждой волне
в пенной чалме
усердный перс –
подставляет шею под серп
мечети – ночи.
Море молящихся мусульман,
неистовых в вере.
как море в буре.

Если П Ч Е Л А
у левого П Л Е Ч А
в П Л А Ч Е волн
П Е Ч А Л ь

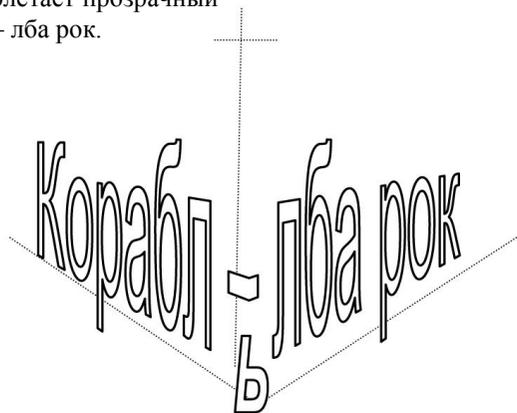
Пчелы морские
чрева мирские
медом горько-соленым заполнят до дна.
Луна –
ревнивый садовник
в пору цветения волн

с досадой глядит на пчел,
ныряющих в пене
пестиков и лепестков
непокойных синих цветов.

Пчелиный корабль
из морского воска
кружится роем
жужжания и плеска.
Парусный улей,
полный пенного меда,
манит из мертвых глубин морского медведя.
Но пока он тянул язык-волну,
корабль килем вильнул
и завернул
за луну.

Где злым, тяжелым, невзрачным
на скалах приходит срок,
легко пролетает прозрачный
корабль – лба рок.

Мрамор

Мрамор, мрамор в мраморе
– Мр-р-р-р атог-г-г-ге, –
мурлычет античный кот на руинах Рима.
Roma – роман
Между камнем и временем,
там из мрамора прорастают женщины
обнаженно-бесстрашны.
Даже в стае все лебеди
одиночки,
как Овидий.
Зато утки все разом:
– В Краков, в Краков, в Краков!
Овидий запрокинул к небу чело,
вспоминая итальянское cielo – небо –
и мрамор, мрамор в мраморе:
– Атоге...

* * *

Мысли морского зверя
Масти морского знака
Маски морского зова

Море упало в зрачок

Мы были только тонкой пленкой
между морем и зверем

Зверь испарялся на солнце
Зверь высыхал на коже
Зверь холодел от ревности
к завтрашнему зверю

Мяу!

Пушистая радуга электрических спин
неуловимый спин
вращения
–пре
ближения
–при
зрения
–пре
Пластика и вся статья
подстать
старинному инструменту:
церемоннее спинета
капризнее клавесина
разборчивее клавикордов
Но:
дурная труба Амура в марте
драки на крышах
походы
по
помойкам а
потом на
подушку!..
Принцип Цезаря
или прихоть
принцессы –
любить друг друга
только в пушистых шубах!

Мяч

Руки вибрируют.
образуя у края арку и свод.
Первая Мария видит вторую
в зеркале рук:

рот и брови в раме –

кармин и мрак.

Мария три и четыре –
прозрачные створки ворот.

Пятая Мария – купол и крест.

Шестая, смеясь, роняет с небес

МЯЧ.

Мяч скачет назад – вперед,
ванна Марата «Авророй» прошла у вен Неву,
первый красный Корде¹-балет –
ада-да-адажио черных дул.

Па-де-труа – рикошет от стен:

Токарев – Макаров – Кармен².

Мяч скачет вперед – назад –

па-де-де: Калашников и Арманд³.

Синие мигалки кромсают мрак –
то уа-у-акушерки Перовской опять теракт⁴.

Мяч скачет, теряя вес...

Мария седьмая его поймает,

склонясь с небес,

рукавом оботрет грязь, кровь, крик

и вернется внутрь рая,

двери прикрыв.

¹Корде – бед рок.

²Не мрак Кармен!

³Дна мрак – Арманд!

⁴Теракт карет.

Над

Бабочка – ТУЧА
на длинной булавке ЛУЧА
среди ЛУГА
а над – раДУГА –
ДУША бури

* * *

Неумелая пряжа
в обрученье играет фальшивым кольцом
избегает венчанья невеста
и ложа жена
роженица от родов спасается
в запечатанной амфоре –
уксус выдержки тысячелетней впрок бережет
Но софитная мудрость
разденет разделит сомнет
и струя маслянистого смеха расслабит пружины
и зрачок обернется глазком
в виноградном кувшине
и лучистое русло проложит
среди черепков

Ночные летуны

*Есть поверье, что ночные бабочки,
влетающие в окна, – это души наших близких.*

Летающие фотообъективы –
беспомощные дивы
в крахмальных рукавах –
трещат по стеклам,
упираясь в свет.
Неистовы, наивны
ночные микрофильмы,
где крупный план
влезает в клетки кожи.
Наркотик правды
и проектор лжи –
они пришли.
Мы принимаем их как телеизображение
от неизвестного излучения
Ночная дрессировщица жестока,
она истязает себя в потоке
света,
она проекция чего-то,
что мы должны понять
сейчас и непременно!
Еще одна
ночная смена,
смеясь и смело
влетает к нам.
Что знает о полете кто не летает сам?
Горит и гаснет на экране глаз.
и любит нас.
но
не
находит
нас.

Ночь

Двое в четырех углаХ, ночь сквозная,
чертополОХ
на губАХ
Она распаДАется
в часАХ

на две стрелки
и показывает двенадцать
кончиками ног касаясь лба
Взвешивает себя на ночных весАХ она
предпочитающая мускульНУю
гильотиНУ

табачному кольцу
Оставь свое серд-
це-
би-
ень-
е
в чужОЙ груди

если хочешь спастись от страАХа
что может быть лучше смеХА
летающих навстречу губ
если мир измеряется поцелуями:
секунда – поцелуй
поцелуй – секунда

Обвал

Если обрыв не обрывается,
он не обрыв.
Радость его – обрываться,
на оползневых полозьях скользить.
Лепит статуи из глины обвал,
влажный глинный язык
слизывает дома,
муравьиные люди в домах оглушенных
станут глиной сушеной.
Не растите, плоды,
растлевайте себя до рожденья,
торопите гниенье
на теле обрыва.
Это глинное море,
липкая сила –
веселье могилы.
Обреченный скитаться
среди глиняных статуй,
питаться
подаяньем бессмертья –
изнанки страха,
кто может без смеха
смотреть
на смерть!

Одежда

Одежда обожает быть блаженно сброшенной днем
Падая
спадая
сползая слетая
сваливаясь
стягиваясь
и непринужденно
прозрачной ногой через спинку стула
фривольно на полу
философично в кресле
отдыхая
наблюдая
пока
пока
пока
А потом
возвращая себе объем
остужая кожу трезвым холодком подкладки
смеется зрачками пуговиц в орбитах петель
прячет тайны в карманах
наша объемная тень
наш социальный панцирь –
одежда
обожает быть
блаженно скинутой
днем.

Ожидание

Весь вечер летаешь по комнате
Видно, пол
сегодня тяжел
вот и летает бумажный змей
с нарисованными глазами
и завязали
память узелком
Ты дергаешься между полом и потолком
мечешься:
стена – стена – окно
А за окном
полупогасшие дома
разложены костяшками домино
Ты открываешь раму книгой гаданья
читаешь по трещинам дождя –
ничего
кроме ожиданья
там прочитывать нельзя
Снова бумажный шелест полета
мимо зеркала
книг
дверей
окон
Молчит телефонный кокон
нерожденной бабочкой спит звонок
стена – стена
пол – потолок
стена – стена
пол – потолок...

О = зеро

Улитка вне... чего?
Улитка вне себя?
Едва ли
когда бы свой каркас
собою вы назвали.
Улитка вне... Вне черепа,
как любопытный мозг,
ловя лучи в себя насквозь.
Улитка вне небес?
Как небо вне воды,
как музыка – везде.
а нотный стан ей старт.
Ночной озерный лак роялен,
реален
плеск и шелест в нем,
но днем
иные ноты:
до ос, и т-ре-ск стрекоз,
и водяных жуков лихое ралли
на отраженьях облаков.
Улитка – ключ,
которым заперт мир внутри спирали,
улитка вне времен,
улитка – воин,
рогатый страж
бездонного ноля.

Оракул

Легко плоскому человеку в объемном мире:
он встанет к стенке, и его никто не увидит.
А объемному человеку в плоском мире
трудней в миллион раз.
Он старается все время держаться профилем,
изображая человека в плоскости.
Его манят округлые женские формы,
но, обнимая их,
он обнаруживает доски,
расписанные по законам перспективы.
А в одноглазом профиле зреет глазное яблоко,
живая вода чресел захлестывает рот,
зоб набухает, и вот
появилась,
давя скорлупу,
птица:
лоб гол,
глаз лазоревый,
раковина крыла свернута аккуратно,
влюбленно воркующего голубя голос,
слог витиеват –
автомат
по предсказанью будущего.

Вопрос:

– Как зовут моего будущего мужа?

Ответ:

– На перекрестке четырех дорог
Немая девушка роняет оперенье,
суровой ниткой сшит угрюмый рот,
а кто развяжет нитку, тот прочтет
ответ на свой вопрос до воскресенья.

ОТРАЖЕННЫЕ

Когда он родился в зеркале он раздвоился
он соскользнул со стекла
тот
что успел
а тот
что остался
застекленел
глаза в глаза
скользит он за
ним
повторяющим его живым
В комнате живет женщина
а в зеркало только входит
но они совсем не похожи
одна смеется другая плачет
одна пляшет другая курит
но отраженному в дыму дурно
потому что плохо видно
и женщина может выпасть из рамы
наполовину
или на четверть
А когда мимо проносят чайник
с орхидеей пара
растущей из носика
неподдельным теплом
обдает стекло
и в нем коробятся серебра кристаллы
Когда он родился в зеркале он раздвоился
он стал зеркальным наполовину
в нем дверь
открытая настежь в спину
и все видят
что в нем происходит
когда он из себя выходит
Все это было бы еще ничего

но его женщина ушла от него
ушла
забрав пустоту кастрюль
вилок звон
круглоту пилюль
сыпучесть стирального порошка
табачно-мятную перекись голоса
переперекрашенные волосы
и еще что-то
что называлось работа
А пока он плакал
стонал
икал

в зеркале разворачивался карнавал
Там делали все
что хотели
там лепили все
что могли
а если ничего не умели
то любили то
что могли
Никому не было дела до того
что за их пределом
до того
что комната опустела
потому что женщина не любила
когда что-то происходило
не так
как она хотела
она все вытесняла телом
Тот
что в комнате
холодел и стыл
он думал
что себя разбил
или
что его разбили
Он был стаканом

упавшим с полки
и расстоянием между осколками
но память его
слилась кристаллом
она не разбилась
она осталась
медленно гранями переливалась
спектр раскладывала и собирала

а ночью зеркало колодцем стало
в нем вода улыбалась
луну качала
и отгуда на свет смотрело
то ли детство
то ли солнце

Тот
что в комнате
думал:
«Сон ли
или все кругом нарисовано
или сам я линия на листке
Если я стану себе отраженьем
больше не будет во мне раздвоенья
и этот колодец
плещущим оком
будет в меня уходить глубоко»

Кончилась ночь распаданья
начинался день пробужденья

Все
что было страданьем стало вдруг отраженьем
и все кошмары воображения – только трещины в отражении
и женщина тоже искаженного отражения
лишь воображение

Охота

О-хо-та!
Хо-хо – та,
что пуще неволи.
На волю пушенная,
стрелой
выбила «эль» из цели.
Где стоял О Л Е Н Ъ
О С Е Н Ъ настала
Я С Е Н Ъ ты стал
заменяв собой «О» –
дерево-зверь
где олень затерялся рогами
пленник поляны
ему неволя пуще охоты
которая с грохотом
хохотом
гоготом
гонит оленя другого
трубя в рог:
«О-го-го-го!»

Память

Я помню, что будет,
ни буквы нельзя изменить
в слове «судьба»:
бусины дней
разбегутся с оборванной нитки,
из кинофильма жизни
выпадут кадры –
квадратики-души на пленке
пленники света и тьмы
мы
исчезнем с экрана.

Пацифик

Путь к сердцу мужчины лежит через смерть коровы
Путь к сердцу коровы лежит через соль
Путь к сердцу соли лежит через землю
Путь к сердцу земли лежит через заступ
Путь к сердцу заступа лежит через свист пули
летающей к сердцу мужчины
Путь к сердцу мужчины лежит через....

Перстень

Сбежались к ювелиру все кольца:
– Отец, отец!
– Я не планировал столько детей иметь,
чем же я буду вас кормить,
золотые, серебряные?
– Женскими пальцами, –
отвечали кольца.
Звенели кольчугой на коже –
аура дрожи.
Приходили женщины-сборщицы,
сгребали в корзины кольца,
запускали в них пальцы,
искали сердце – колоколец.
На цоколях холода – серебра
статуи золота – тепла
сквозь кольца-колодцы
глядят на солнце.
Месяц – перстень
упал на пол,
в кольцо сомкнулся.
Ювелир проснулся.
Недвижимо, осторожно
выбрался из кольчатой кожи.
По лестнице,
что лепят ночные стрижи,
ушел,
вырезая следы – ножи.

Песок

Волна и ветер спорят о тебе
Песок – посредник, сводник и обманщик
У ветра больше прав,
а у волны – желаний
Пока тела блаженствуют в песке
их обнимает ветер
а волна
свивает воду в кольца и плетет
еще кольцо, еще кольцо,
и цепь
созреет в цеп
ревнивой злости,
прокатится по медному предплечью,
блаженством холода
Но все равно
владеет всем песок
Глазастой шкурой вроде леопарда
растянется под спинами лежащих,
впивая переборы двух моторов
сердечных
и тягу их сквозь воздух и волну
он весь – горячий воздух и дыханье
блаженный третий
между медных тел
качающихся на цепях воздушных.

* * *

Пламя живет в глазах глядящих на пламя.

Поединок

МРАК
выходит на битву в белых одеждах
черный бездонный ФРАК
надевает свет
В тоне суровых ФРАЗ
золотые искры
в серебряном голосе жужжание звездных ФРЕЗ
Пятна мрачных ГРЕЗ
на снежном плаще мрака
бледный месяца СРЕЗ
СЛЕЗ маской с лица
мрак СЛЕП от ударов света
как тысяча сто ночей устроивших черный СЛЕТ
а СВЕТ – потом напишут –
*«во тьме светит,
и тьма его не объест»*

* * *

Пока оплывает ленивой свечой день
созревает дом виноградный
Горстью зерен граната
на отдаленной ветке
чужая спелая спит любовь
Пока барабан выбивает пыль из голов
во тьме малиновых губ
хищным созвездьем влажнеют зубы
Всех изводит дырчатый звук продолговатой песни
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»
Как от огня заслониться
Если ладонь прозрачна
если сама она – свет
оставленной камню свечи
Губы комкают воздух
а ресницы
протянули в костер обугленные лучи
Если ты онемеешь
нет сговорчивей твоих глаз
Мой язык еще молчаливей чем твой
между нами вьется певучий стон
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»
А когда станет ночь обгоревшей лозой
и стоячий камень поклонится на восток
вздохом последним смутит ночные сады
оборвавшейся звезды
переспелый плод
И дыханье свое продлив за холмом
ночь свернется в пушистый ком –
смех
согретый утренней хрипотой
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»

Портрет

Если бы не художники Возрождения,
мы бы и до сих пор думали,
что печень – это луна,
а любовь – стрела в сердце.
Главное в женщине –
туфелька, расшитая жемчугом,
она смягчает жар любовной горячки,
внося в нее закономерности игры в мяч.

Но если опять в раму,
то лучше убейте сразу!

Приземление

Ископаемый сад
в сатурналиях угольной пляски
это ласточек стая
столетнего круга строка
эстакада полета
слепого полета
спелый двигатель – сад
Град
дробит мостовую
гремучий асфальт
принимает слепую небесную рыбу –
молот света на мельницу прожекторов
Налипают песчинки
блестят пузырьки
ходят призраки к свету спиной
бродит ошупью в свете свет –
рас-
свет –
летающий сахар
в стакане пустом.

Призрак метро

Воровка рук,
пробираясь в метро,
извивается
эскалатором ступеней.
Гулкий балахон
пустотелой тенью,
капюшон без головы.
Воровка рук
вращается дверью
в морозных уколах
статического
электричества,
блуждающий глаз за решеткой ресничной
опасен, зверь водяной.
Золотой коровой воровка рук рыщет,
молоком молодеет медовое вымя,
переходные стойла мычат,
и она,
рогатая,
в мраморе
вверх перевернутая,
опирается на кончики рогов.
Колокол – ее балахон,
балахон ее – стакан
вызванивает вслед шагам.
В подземный колокол ты нырнешь
и всплывешь
в стакане
дневного света,
тебя волокут ступени
к дверному вееру.
Рука твоя –
твой поводырь
на черном конвейере

Притчи

1.

Встал Учитель и сказал:
– Для любви – все враги,
поэтому любите меньше, как только можете,
а если не можете,
то совсем не любите.
А потом он сказал Ученику:
– Люди склонны к противоречиям,
если я скажу им «Любите»,
они перебьют друг друга.

2.

Нырнул в себя собор куполом к полу
когда играл Нерон на патефоне
ручку крутил
летели искры
искры
искры
искры
Искарриота жгли Иуду
Д-ду-ду – поет на дудочке слепой Иуда
холит с сумой по свету
собирает деньги на новый собор

Прописи осени

Кто осенью в небе всех виднее?
Каллисто и Кассиопея.
У каждой внутри «оса»,
у каждой в рука «коса».
В Кассиопее «пес»,
в Каллисто «кот» –
один к другому не подойдет.
На спицах своих осей
вертятся в небесном колесе
в черной синеве
ковш и дубль-вэ.

– Каллисто, ты кто?

КАЛЛИСТО:

*Локис – оскал и сила,
кот – кис-кис и сало,
лиса – лоск ласки,
кит – лак ласт,
скат – тик тока,
ослик – скота толк,
лоси – иск соли,
аист – ил, тал,
оса – сито сот,
стол – стило и лист,
скит – тоски силок,
коса – стали сок,
кат – кол, ости,
Кали скалит кости.
Лик – ока исток,
я – Каллисто.*

Поделили небо Кассиопея и Каллисто,

партию ведет Каисса.
Иск ее поиска – Орион –
продолжает в небе дорогу дюн.
Она ищет единственный ход –
слово, которое все соберет
в единое небо-слово.
Кассиопея готова
заговорить.

КАССИОПЕЯ:

*Пикассо нас соски,
пса поиска и песо касс.
Скос сопки – котия соска,
а сопка – скоп песка.
Сея оси пик, коси коса.
Сия коса – оспа-оса,
писк пасек.
Скис, спекся сок –
спаси! –
иссоп кап-кап.
Писак описка:
«кипа», «пика», «паки»?
Сип Кастия.
Спи, апис,
як, сопи.
Я – список ока,
Каиссе иска иск я –
Кассиопея.*

Прощание

Солнце встает в соленом саду
Я ослепшее солнце веду
в синий сад на кончиках игл
он переливается живой солью
соль улыбается
она съест меня и солнце
и станет слезой на ресницах у тех
кто придет искупаться в саду
Солнце уходит в соленый сад
веселый как любовь
прозрачный словно горе
На глазах у лошади золотые шоры
возница не оглядывается назад
От ласки кристаллов на теле сто рубцов
ты видишь сад из игл
и в каждом – свое лицо
карусель из лиц
нанизанных на мой смех
Я пускаю вас, лица, в сад,
словно рыбок в эмалевый таз,
и соленые крошки кидаю в открытые рты
вам,
рабам немоты

Ревность

РЕВность – кровавый ребенок
ВЕРности
росянка страсти,
всасывающая мошкарку подозрений.
Ревнующий – родственник паучихи,
пожирающей брачного партнера.
Для мужчины ревность –
рев и нора,
для женщины –
рычаг,
руль,
ручка управления.
Ревнуйте,
ревнуйте,
ревнуйте
по строго скоординированному
распорядку.

Рим

Небесными знаками пишется слава Риму,
сходящимися в середину:
amore e Roma –
любовь и Рим
Восток Индии воздвигается из-за Востока арабов,
Призывая **amare Rama** –
Раму любить
Рама – рама неба небытия
Рим – мир бытия без неба
Когорту штурмовиков вывел Рем
и в последних Романовых рухнул Ромул –
Но волчица-кормилица вращает глаз – **радар**
Ее вой не переводится на язык зоопарка
Яростнее, **чем Рим, мир-меч**
вращается антенной на острие
рукоять ласкает ладонь
Еще не зная номера рока
Близнецы глядят друг на друга
но каждый видит себя в другом
И когда наконец трубы
прохрипели свое – **Рем умер**
в точке стечения звука
деловито
дико
как робот
Ромул
начинает возводить Рим.

РИСУНКИ К 1001 НОЧИ

Караван

Ш-у-у-у-у песка
Ш-о-о-о-о шага
Оса солнца
Хо-о-о-о-о горбов
О-о-о-о-х следов
Скольжение верблюда в игольное ухо луча
шатают челюсть перевесом губы горбы
горизонт изогнут шейей
дорога между ушей
колокольчик клокочет
в черепе света
дыры тьмы
зрачка узор
стелет ковер
песчинка к песчинке
Пузырек слюны –
зеркальный шарик
летает лопается
оставляя кружок – кольцо
наискосок
тьнь через лицо

Ковер

касание нечаянных рук
кончик косы щекочет щеку
песчинки свивают паутину тела
внутри кружится веретено
из горсти песчинок рука вытекает
завтрашний смерч глаза засыпает
пылью иссохших колодцев
репейники звезд исчертили кожу
сухими линиями ладони
ковровый город пьянеет

166

набухает темнеющим ворсом
там у рваных ворот
Кто-то Тот подавился куском горизонта
и уплыл из руки босоногой служанки
гребнем в косах блуждая
от макушки до пят
патронташ позвонков опустел
завалилось ночное тело
на пороге уснувший странник
сон свой видит наружу
стук разбитой подковой ложится на дверь
тьню сломанной в поясе
ходит по стенам
кувшин с человечьим лицом
в разговоре с окном
разевает оскаленный рот
вылезает Тот Кто из клубка
спеленатый женский кокон несет на руках
в зубах его связка ключей
он ворота в город пустой открывает
где тени висячих садов –
отражение света в песке

Мавр

Маврикий святой, темнокожий, неблагообразный.
На лике своем чернокнижие носит заглазно.
Согласно обычаю честным крещен и обрезан.
Сакральный огонь его чресел пылает железом.
Крестится справа налево и слева направо, намаз совершая.
Грезится – серой и лавой слова его стены сжигают.
Копоть и ладан над винным витают порогом.
Коготь и лампа в когтях – как невеста с пророком.
Роком оборван, что нитка рассыпанных четок.
Кровью король, а шагами неслышен и шаток.
В дрожи углов и лекал королева коврового рая
влажный улов языка из гортани сухой добывает.

РУИНЫ

Воспоминание

Еще разрыв навеки не возник
меж деревом, конем и человеком,
в живых лесах текли живые реки,
превращались девушки в тростник.

Старый Пан настраивал свирель,
на старый пень садясь, скрестив копыта.
Ласкает ночь Селены взор открытый,
деревья обвивает дикий хмель.

И всех пиров неутомимый гость –
бредет, качаясь, Вакх неугомонный,
блаженный, полупьяный, полусонный,
в руке терзая винограда гроздь.

Лебедь

Глаз собирает солнце, словно линза,
звенит в ветвях невидимая лира,
в ручье дробится холодно и ломка
ладонь твоя, как маленькая лодка.
Невидимый сквозь листьев летний лепет
плывет огромный, слишком белый лебедь.
Глаза смежит короткий жаркий сон,
и бог сойдет на землю, окрылен.

Глаз вызывает созвездие Лебеда из темноты
Звенит межзвездный зуммер: “Ты – ты – ты...”
В ручье ломая лучи,
ладонь – радар, направленный вдаль
Невидимый днем ночью отчетлив,
плывет пылающей тенью
Затмит на миг – взрыв!
И бог обводит светом весь контур тела

Нимфа ручья

В ручье омыть светящуюся кожу,
вплетая кудри в завитки волны.
Ты нимфа, ты на женщину похожа,
угаданную в облике весны.
Бежит вода по облачному телу,
но что светлее – тело ли, вода?
Здесь голубой просвечивает в белом
и розовым становится, когда
придут в движенье тела очертанья
и выпрямится линия плеча,
а руки ввысь рванутся в вольном танце,
волос лавину за собой влача.
Тогда любясь четким отраженьем,
напрячь, как лук, тугой изгиб спины...
Но зарябит, разбитое движеньем,
услужливое зеркало волны.

Минотавр

Таурус – таурус – минотавр
в лабиринте памяти

В нем есть центр
страха – ужаса
Фобоса – Деймоса
Там и бог – бык

В нем есть центр
радости – наслаждения
радуги – наваждения
Там и бык – бог

Рык страсти
или
крик страха
там?
Таурус – таурус – минотавр

Русалка

Ночь возводит башни черного льда –
башни пустоты в гуще света.
Руки уплывают
у тех, кто спит,
невод-колыбель укачает воду.
Кто себя доверил женщине-реке,
кто замедлен в съемке тиканьем бульвара.
Тени на асфальте образуют пары
вроде двух бутылок, отпустивших свет.
К первому удару еще никто не готов.
Ко второму пристраиваются, смеясь.
За третьим бегут вприпрыжку.
За четвертый судорожно цепляются руками.
Пятый удар несет в себе краску стыда.
Шестой – боль крика горла.
Седьмой оглушающе пуст.
Восьмой возвращает все обещанья.
Девятый кладет руки на плечи.
Десятый подталкивает в спину.
Одиннадцатый натягивает поводок,
а на двенадцатом девушка замечает,
что вместе со своей собакой она привела мужчину.
Вытолкнет их лифт до нужного этажа,
в дверь провалится спина,
а на постели кошка, будто акушерка,
принимает роды луны из окна.
Кухню без света расширил вокзал.
Ломтик сыра дразнит луну на тарелке.
Кран загудел, и поезд ушел,
прогремев в холодильнике последним вагоном.
Кошка утащила след чужака,
пока он делит девушку с книжкой телефонной.
Невод ее голоса зыблет ночь,
поплавками прыгают телефоны-автоматы,

за стеной воды родители спят,
словно две колонки стерео аппарата.
Кто сегодня заговорит до сна
никогда не спящую девушку-эстафету?
Сквозь нее проходят звонки,
разрывающие провода,
рассекая ее тело жезлом Моисея,
не повреждая в ней сна.
Первый ее сон о свадебном кольце,
последний – о чьем-то муже,
но этот сон не совсем сон –
он
вываливается наружу.
Окно исходит рассветным паром,
смахивает лицо полотенце волос,
земля по утрам имеет форму шара
и выкручивается из-под ног.
А она перебирает разорванную сеть,
потому что не помнит примет,
кроме носка ботинка,
да заурядный фотомакет
профиля – лица – затылка.
Она сворачивает ночную ткань
пополам,
в одну четверть,
одну восьмую,
одну шестнадцатую,
одну тридцать вторую,
одну шестьдесят четвертую,
одну сто двадцать восьмую
и складывает в карман.

Садовница

Садовница Ева вывела на березе
красных яблок крутые капли
Смоковница Ева
сока бродильница
капельница спасительная
от смерти-летальницы
в сердечной спальне
Садовница Ева
пчела-десантница
жужелица-разведчица
оса-перехватчица
кайму на подоле расшила
маками, ландышами,
польнью, боярышником
Не трогала только шиповника
потому что роза еще дика
Гармошкой сложатся века
пока
в садах Магомета
она очнется царицей цвета
Садовница Ева
путаница травы
листья ветреница
из мира изгнанница
странница-стрекоза
сторожит сад
где смех-секс-страх
Когда бродишь по саду
не пугайся
не вздрагивай
не оглядывайся
если осенью поздней
тронет тебя за рукав
яблонЕВАя ветка вся в белых цветах.

САЛЬЕРИ И МОЦАРТ

Сальери, господин преклонных лет
в огромных башмаках скрипучих
и челюстью, гремящей при ходьбе,
по сцене движется причудливым зигзагом
и что-то ищет. Видимо, парик.
Бормочет он: «Нет правды на земле,
но правды нет и выше, – добавляет,
на стул вставая,
из-под ладони озирая зал.
Но тут, парик увидев на шкафу,
торжественно его он надевает,
идет за клавикорды, говоря:
«Мне это ясно, как простая гамма».
Играет гамму и поет:
«До, ре, ми... тьфу!»
Затем встает и, шаркая ногами,
идет к столу.
А на столе под белым покрывалом
как будто вроде женщина лежала,
и вот Сальери начал монолог:
«Родился я с любовью к искусству», –
сказал он и движением искусным
он покрывало с женщины сорвал.
Та женщина была виолончелью.
Сальери начал рыться в ее теле,
он в ней отверткой понаделал щели
и, наконец, кувалдой доконал.
«Музыку я разъял, как труп», – сказал он,
затем накрыл остатки покрывалом
и простонал: «О, Моцарт, Моцарт!»
А в это время Моцарт постучал
и, осторожно двери отворя,
на сцену ввел слепого хипаря –
хипарь зарос по пояс волосами
и потому не видел ни черта.
А Моцарт, он известный был задира,
всем объяснил, что около трактира

он этого маэстро подобрал
и осторожно вел его до двери,
чтоб позабавить милого Сальери:
«Из Моцарта нам что-нибудь сыграйте!»
Хипарь достал из-под волос гитару,
она была расстроенной и старой,
в ней явно были лишние детали,
и завопил: «Под музыку Вивальди...»
У них, у хипарей, своя мораль.
При этом Моцарт радостно смеялся,
Сальери громко топал и плевался,
он челюстью стучал о клавикорды,
а музыканта просто выгнал вон.
Тот мимо двери пару раз промазал,
потом раздвинул волосы
и глазом
Сальери смерил с ног до головы.
Сказал Сальери с миной благородной:
«Мне не смешно, когда маляр негодный
мне пачкает мадонну Рафаэля».
Потом икнул, как с тяжкого похмелья,
и возле клавикордов сел на стул.
Тут Моцарт, полный ложного смиренья,
игриво сел к Сальери на колени,
схватив его за букли на ушах,
и не сходя с колен его дрожащих,
сыграл на клавикордах дребезжащих
очередной какой-то пустячок.
Тут у Сальери вылезли гляделки.
Не мастер на подобные безделки,
он в музыке был истинный педант:
полжизни в нотных знаках разбирался,
а как до сочинения добрался,
так знай себе по правилам строчит.
Запрется в кабинете и пыхтит.
А Моцарт встал, окончив безделушку,
и, в парике поправив завитушку,

спросил:
«А правда Бомарше кого-то отравил?»
Сальери пасть разинул в изумленье,
а Моцарт продолжал: «Ведь он же гений,
как ты да я,
а гений и злодейство –
две вещи несовместные».
Сальери комплиментом счастлив был
и Моцарта на ужин пригласил.

Но только дверь за Моцартом закрылась,
в душе Сальери буря разразилась.
Оскалив зубы и расставив ноги,
стоял, как указатель у дороги,
рукою тыча Моцарту вослед,
и бормотал: «Как некий херувим,
он несколько занес нам песен райских...»
Завидовал Сальери и терзался:
он целый день над музыкой корпел,
а этот на – вспорхнул и полетел.
А нравственно ли это?
Скрипя крестцом и матеря погоду,
нужны ли эти Моцарты народу,
Сальери думал.
Да, это повод был для разговора,
но в монологе слишком много вздора.
Тут приплелась какая-то Изора...
Старинная, наивная love story!
Не зря Сальери вспомнил об Изоре.
Она его любила? Да, к несчастью,
и умерла в бесплодных муках страсти,
наглядно убедившись и проверив,
увы, несостоятельность Сальери.
Яд в это время был не дефицит.
Что общего меж Моцартом и девой?
Но у Сальери взгляд на это дело
был, как мы видим, несколько иной.

Но пробил час, и Моцарт вновь приходит,
одетый и причесанный по моде,
но вроде как не весел и грустит.
Сальери, впрочем, до того нет нѹжды.
Он говорит: «Последний дар любви,
переходи сегодня в чашу дружбы», –
и высыпал в бокал любимый яд.
А сделав дело, сразу стал добрее
и Моцарта просил быть веселее,
но тот никак не начинал гулять.
Обиделся Сальери: это слишком!
И Моцарт начал нудно, как по книжке:
«Играл я на полу с моим мальчишкой...»
А дальше шел сюжет вполне реальный,
хотя, конечно в чем-то сюрреальный,
сюжет там примешался матерьяльный
и реквием какой-то inferнальный...
Сальери, впрочем, слушал невпопад.
Давно в бокале растворился яд,
и Моцарт наконец-то взял бокал
и тост, как полагается, сказал:
«За искренний союз,
связующий Моцарта и Сальери –
двух сыновей гармонии».
«Ты думаешь? Ну, пей», –
сказал Сальери. Надо бы скорей,
история рассудит, кто чей сын.
Когда, шатаясь, Моцарт удалился,
в Сальери червь сомненья поселился:
«А, может быть, он прав, и я не гений?
А Буонаротти?
Иль это бред бессмысленной толпы,
и не был убийцею создатель Ватикана?»
Взглянул на дно моцартова стакана
и, глядя в зал, задумался навек –
«...как будто член болезненный отсек».

1982
176

Скульптор

Вот взнуздают твое зрение
и поведут видеть дальше, чем...
А ты, полусирота света
доверяешь только ощупи
если я – или кто? –
проходим вдоль кожи
Но в разоренном яблоке
видно гораздо больше, чем предметов
Ты помнишь это детское знание?
В нем глагол и местоимение
Ты не отвел его в сад детей
но передарил темноте
когда мы вели хоровод по лестнице
потому что лифт был против
и мусорный бак аплодировал поступенно
Слезы – всегда театр
но мыльный пузырь на солнце
слишком радужен для обид

Когда твое зреньё
женят на линзе знания
все станет намного ближе, как мы от солнца
Глаз – это проросшая икринка
где калькулятор клеток
деля
множит
пока не увидит больше
чем серебро волны
Но мы не коснулись моря
ведь вода была ночным лицом
и клацали камешки во рту оратора
«Видеть» живет в уме
летит со всех сторон мировая дань мозгу
и ты мнешь в руках свет
чтобы изваять еще одно зеркало

Сотворение Евы

Анатомический атлас тела –
бумажный атлас тела
метель и металл
мельница опahal
плаха
для топора
опара
хлебного теста
тесно
ему на страницах
анатомического атласа
бумага просвечивает
красным
бьются артерии сетью
полной живой рыбы
рвут бумагу ребра
локти
отталкиваются от
бумажной плоти
Лопнула на губах бумага –
получилась улыбка
рыбка
языка
раздвинула зубы
волосы выпутываются из
бумажной трухи
Пейте
из коленных чашечек
пейте
из чаш груди
!

* * *

Срывающая знаки запрета
электросвета не любит
когда выходит в ночь
изгоняя из нас
запах ЗЕЛЬЯ НЕЛЬЗЯ

ЗеРКАЛО – ЗАРОК запрета
в нем часть тебя заперта
Вспомни о ЛАЗАРЕ –
выйдешь из ЗЕРКАЛА
пелену амальгамы разрезав
НОЖОМ из МОЖНО

Срывающая знаки
пряди волос отводит от глаз –
две радуги рассекают ночь
Прочь
черепа фонарей!
Влажнее срезанной дольки лимона
луна
сочится...
Отражение – ТЯГОТЕНЬ –
зеркального ЯГО ТЕНЬ

Сталактиты

Олений дождь привязан к потолку
на небе опрокинутых оленей
посеяны олени под землей
они растут рогами через камень
и вся гора оленьих сухожилий
дрожит от страха
на краю коленей

Когда гора была мужчиной
и мучилась от жажды
и женщина пришла однажды
и стала озером в горе
где невидимые рыбы
поглощают тишину

Каменеет водопад.

Камень
жующий свое нутро
жернов
перетирающий сам себя
каменная мука
облепила свод
каменный хлеб
каменный рот

Ком камня.

Ко мне, камень!

Сумерки

Выпускающий «темнеет» из чайной коробки
получит в подарок дом-клетку
несколько лет назад.

Пол стал шагом,
(предмет идентичен действию),
а черепки разговором.

Между тем
(тем было немного)
и этим мигом
(не истребителем)
змеилась паркетная молния.

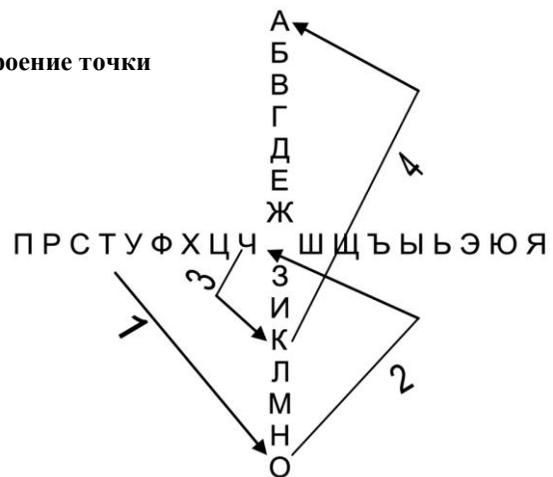
Нет ничего долговечнее,
чем едва прикосновение,
разве что неприкосание
или прощание,
которое длилось
(это не опера, а балет),
пока не коснулось спиной
окаменевших зрителей.

Тогда пришлось вернуться к началу
и начинать сначала,
Но один оборот прощанья
навсегда срывает резьбу.

В чайной чашке
па-де-де ложки
и сахара
с постепенным исчезновением партнера.

ТОЧКА

Построение точки

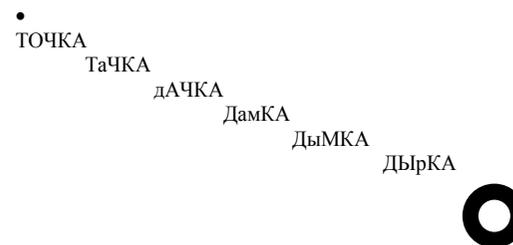

Величина точки

А - 1 (5)	К - 12 (4)	Х - 23
Б - 2	Л - 13	Ц - 24
В - 3	М - 14	Ч - 25 (3)
Г - 4	Н - 15	Ш - 26
Д - 5	О - 16 (2)	Щ - 27
Е - 6	П - 17	Ъ - 28
Ё - 7	Р - 18	Ы - 29
Ж - 8	С - 19	Ь - 30
З - 9	Т - 20 (1)	Э - 31
И - 10	У - 21	Ю - 32
Й - 11	Ф - 22	Я - 33

Т О Ч К А = 5 (букв)
 $20 + 16 + 25 + 12 + 1 = 74$
 $74 = 7 + 4 = 11$
 $11 = 1 + 1 = 2$
 • = 2
 2 = 5

Судьба точки

Трубач

Ты
вы-
дул блестящий воздух
из самых заржавленных труб
Ты
вы-
думал себе подругу в блестящих перьях
Она
на-
девает маску, чтобы
на-
красить губы
Ты узнаешь ее иногда
по стуку лишнего сердца
Ты
вы-
водишь ее на цепочке
бегущей от пуговицы пиджака
Она
на-
вевает веером воздушную сферу
Чревовещатель взглянул на свою собаку
та ответила из его живота:
«На пальцах ее кончики
из лилового серебра»
Кот измерил глубину всех здесь присутствия
вертикальной рейкой хвоста
Кариатида выпустила из рук балкон –
руками прикрыть грудь
когда он
исчезая здесь
там на нее взглянул
Нулевой вариант поцелуя
придает дыханию новый объем

Ты
вы-
лечил весь духовой оркестр
от хронических похорон
Ты
вы-
дал замуж подругу
за самый большой барабан
Она бьет его бьет его бьет его
с наслаждением по вечерам
Кот оживает со вторника на четверг
Подруга привычно умирает по средам
Кариатида владеет стихией камня –
она бессмертна
Чревовещатель счастлив
ибо нем
более чем собака
но менее чем балет
Собаку видит китаец-курильщик ночь на пролет
Будто Конфуций из лунной вазы вещает собака:
«Пойдешь на Запад – можешь придти на Восток,
пойдешь на Восток – никогда не придешь на Запад».

* * *

Ты к солнцу обращен глазами,
а я во тьму.
Я ускользаю,
сгущаясь тенью в белом зале,
где мы всю ночь с тобой играли.
Ты смерть свою мне проиграл.
И все, что было мрак,
в меня втянулось,
лишь смерть твоя ко мне переметнулась,
она была в колоде пятый туз,
заветный козырь,
в рукаве лежащий.
И стоящей была, и настоящей
игра.
Там, на твоей, на светлой половине
сплошное солнце в небе восходило,
каждый луч был сдвоенной стрелой.
Там ты летел на двух лучах скрещенных,
раскинув руки,
светом защищенный.
Равны мы стали в свете и во тьме.
И вот хожу я влажная, босая,
кромешный звон шагами заглушая
во тьме просторной, мягкой и тупой.
Бокала алый мак несу.
И всех, кого сразит твое сиянье,
я принимаю в темное мерцание,
я меркнувшее зренье утолю
росой молчанья
первородной ночи.
Вначале тьма была...
Свет наступил
потом.

* * *

У тебя под кожей защита книга,
процарапанная рыбьей костью,
прочерченная когтем,
испещренная пером.
Тело – паром
между солнцем и сердцем,
перевозчик туда и обратно,
переводчик со всех языков
лижущих слов,
кусающих слов,
говорящих, молчащих.
Горлу дан ор,
орлу – дань неба,
недра дракону стеречь,
речь рыб – ультразвучанье
в ультрамарине морей.
Не переводи ничего,
кроме влаги на язык рыбы
из созвездия Рыб –
пусть странствует, пока не поймет.
Тогда перечитай перевод
и переложи его снова
с языка тела на язык слова.

Убежище

Сколько глотков влажно-золотого
в этом ложно-граненом обломке?
Брачный полет луны и бутылки
на крыльях «нет-нет»
Отказ мой оплатит
перфокарта небесного виста –
женщина вся из отверстий
Ты выколот звездами в теле ее –
неба ночи мерцающий крен
где крапленые окна зовут игроков
пока в русле руки не потонет экран
где знакомые люди в стеклянных окопах
чей побег измеряется расстояньем
между кнопками
ВЫКЛ и ВКЛ

Фауст

ФА уст
соль слез –
Маргарита –
 арФА
 ФАуста
 ста-
 ла
 лестницей
 в небеса

Вслед улетающему Фаусту
звенят печально
струны-ступени:
*«Сколько силы, неподвластной лени!
Но упрямо память вороша,
видит в новом только повторенье,
вечностью пронзенная душа».*

Фото

1.
Повинуясь пальцу
разошлась – сжалась розетка
жук звука метнулся
стянулся
свет с лица маской
растекся чернью на серебре
Теперь я –
негритянка седая
в темном окне
живу здесь
где всего тридцать шесть
окон
и всегда ночь
Но
видно
меня насквозь
и сквозь меня
видно
Бумажные зеркала купает ванна
хранит тайна темную комнату
Только красный фонарь в нее проник:
у любой белой женщины
есть черный двойник.

2.
ФОТО –
ЛОТО света
бросок ЛОТА в глубину взгляда
тайная ЛОЖА адептов линзы
резче НОЖА взгляд
Камера – НОРА
ВОРА лиц,
что твоя ВЕРА? – Блиц!

Хорал

НЕБО
из НЕБА
НЕВА вытекает –
хладная ДЕВА
с картины ДЕГА
с телом упругого ДОГА
римская ТОГА на торс дикаря
импульс ТОКА от лейденской банки
от батарейки РОКА
РЕКА -
дитя просвещенного ВЕКА
где ВЕРА
легче ПЕРА
над столами античного ПИРА
грохот грозы Олимпийского ТИРА
молний ТИРЕ между фразами грома
но громче на ЛИРЕ рыдает русалка
о МИРЕ и долгом покое
что МОРЕ в глубинах хранит

Царапины

Карабкается по рукам,
царапает воздух шиповник,
вращает пращу аромата,
и падает голова губами в розовый зев.
Шиповник процарапал в воздухе дождь
и зигзаг – грозу,
губы вылепили розу,
влажную,
жадную,
махровую,
маслянистую,
математически четкую в очертаниях.
Кожа пружинит под нажимом шипа,
сок стекает на язык лепестка,
а лепесток языка
медленно следует вдоль царапины.
Царапины как бы Цезари,
перешедшие Рубикон,
шаг от простой страсти шиповника
в райскую фантазмагорию розы.

Цирк

По проволоке ходит маленькая балерина
в розовой юбочке с золотыми блесками
В руках у нее цветов корзина
алая роза в прическе

У нее наклеенные ресницы
на веках тени
пышная грудь под корсетом дымится
поблескивают колени

Мальчики принимают ее за девочку
и ловят взгляд смущаясь и краснея
а усатые мужчины крутят цепочки
и мечтают переспать с нею

А она работает на проволоке
улыбаясь крепкими зубами
и цветы из бумаги и проволоки
разбрасывает над рядами

А потом придет бородатый маг
положит ее в длинный ящик
и распилит на две части
да и оставит так

Часы

Солнечные часы считают птичьи часы
Часы песочные шуршат для ящерицы
Для рыб и дельфинов водяные журчащие
капли роняют
Время себя доверяет
только часам швейцарским
Для истории мы сами строим
часы-башни
Время людей измеряет сердце –
то ускоряя то замедляя
Храмы – хронометры Бога
У дьявола ходики –
ржавые гирьки
и маятник – злые мысли
туда-сюда
туда-сюда
Бог – это пространство-время
Дьявол – пространство отдельно,
отдельно время

Чаша

«Седьмой ангел вылил чашу свою на воздух; и из храма
небесного от престола раздался громкий голос, говорящий:
совершилось!»

Апокалипсис, 16, 17.

Когда тебе подарят половину луны
ты наполнишь своей кровью тысячу чаш
но одну каплю сохранишь для моих губ
в ней записан голос –
«ты – моя белая день
чревом ночная»

Между трудом и покоем
расплывается след невидимой череды
оставляя оживляющий запах озона
покалывающий следы
страж Золотой Луч
вестник Спокойное Сердце
гонимый Лукавый Глаз

В созвездии Водолея живет улитка пространства
на каждом ее витке печати непостоянства
там стол перевернутый
там стул опрокинутый
там поднос разрисованный
там половинки чашек берегут аромат чая
который губам отвечает
еще на другом витке
там хирург Золотой Луч
вылечивает куски жизни
рассекая спайки между витками
Вот уже память спит на отшибе
вот уже почти любовь
увязла в нафталиновом колокольчике
вот-вот распустится всего одна роза
из возможных пяти

Переведи и меня за ту черту
куда не шагнуть недоверчивым
куда и поверившим нет хода
Там горит светофор посередине реки
пропуская застекленную баржу
груженную картинами
слишком непрочными для глаз
Там живет на стене всадник Лукавый Глаз
будто бы сжимая в руке хлыст
укротителя гжельских зверей
обиженный и гневный, как поцелуй
красивый и капризный, как зеркало
король заиканья и хромоты
державший колечко в руке
заблудившейся в кармане –
медный лукавый намек:
«Под кожей зудит звезда,
кличет ночь, чтобы выйти прочь».

Регулировщик Спокойное Сердце
стоит на пересечении трамвайных путей
он отправляет под землю умершие трамвая
где они будут вагонами метро
На светофоре два зеленых света
а красный вспыхивает в сердце
так путаются знаки запрета и пожара

страж Золотой Луч
вестник Спокойное Сердце
голец Лукавый Глаз

Если это игра
то в созвездия
Если это смерть
то они еще вернуться

1984

198

Чудо

Чудо – удар в дно души
дурман добычи удачи
прочерк в причинной связи вещей
нестандартная шестеренка в машине счастья

Блаженно его ожиданье
безжалостна его неожиданность
ужасна его однаждность

Беспомощен творец перед роботом
беззащитен ловец перед дичью
человек перед чудом исчезает совсем

...чудо!

ШКАТУЛКА

* * *

Шоколадная королева
ждет меня на хрустящем троне
но короны ее надменной
никакая тоска не склонит
Принесли шоколадные
слуги золотой поднос с шоколадом
а по залу несутся слухи:
– Он отравлен!
Королева с лицом мулатки
улыбается сладко-сладко
– Королева, прошу, не надо
дайте горького шоколада

* * *

Ромб – робот – радар
гром
разорванных пролетов
Оранжевые города
горят на черных поворотах
Весь горизонт – багровый крик
Рассвет тряхнул кровавой гривой
О, Брамс
твой розовый парик
растерзан раненой гориллой

* * *

Полнолуние, полнолуние
все уснули, все уснули
только улицы-лучи
протянули пальцы
тише-тише
не кричи

не пугайся
У луны глаза круглы
огибает свет углы
Бейте свет косыми тенями
не смотрите так растерянно
Надевайте, дурачки
антилунные очки

Менуэт

1.

Я танцую в белом круге менуэт
Этот круг в себе меня закружит
С тротуаров смотрит в белых лужах
лунным ликом старый мой портрет

Я танцую в белых окнах менуэт
Я в туман закована как в стужу
И в глазах моих тебя закружит
белым ликом старый менуэт

Ты на белом – черный силуэт
Лишь себя я вижу в белых лужах
Уходи, не то тебя закружит
вечным танцем белый менуэт

2.

В очень белом круглом зале
на паркете гладком-гладком
вы со мною танцевали
удивительно нескладно

Ваших глаз зеленых свечи
в танце ласковом мерцали
«Ах, какой чудесный вечер», –
вы с улыбкой мне сказали.

Ваш камзол был не отглажен
и жабо немного смялось.
Впрочем, это все неважно
я над вами не смеялась

С парика летела пудра
от неловкого движенья
Говорили вы так мудро
о законах притяженья
взглядом плеч моих касаясь
об искусстве говорили

Но окончился наш танец
вы ушли и все забыли

* * *

Купола и своды вечны
Я зажгу в глазах по свечке
и пойду к твоему престолу
по серым плиточкам пола
Там меня остановят и спросят
только я не услышу вопроса...

только вспыхнет серное пламя
только адом засветит в храме
Что случилось поймет не каждый
да и то ничего не скажет

Канат

Рыжая женщина идет по канату
Ее обступает холод
Когда-то она была богата
а теперь по канату ходит

Она появилась из белого снежного
и думала что была вечно
неизменна и так же безбрежна
как Путь Млечный

Уверенная в вечном своем свете
не делила а умножала
но оказалось что вечность – это
всегда сначала

Топорщатся как птичьи перья
перетертые нити каната
а канат раскачивается над временем
из осени в зиму и обратно

* * *

Я знаю, знаю, снова будет утро
и город, словно вычерченный буквами
и я приду опять на то же место
вся в инее, вся в белом, как невеста
А, может, это вовсе не фата моя
а, может, это город в белом саване
Но никому здесь ничего не кажется
и красные трамваи в пропасть катятся

Зáмóк

Голубой абажур солнца
Сон ца-
ря в одинокой спальне
Спал не-
долго
зовет гонца
посылает к священной пальме
Пал гонец ниц
Царской воле покорен будь

Одолей многодневный путь
быстрее всех птиц

Цирк бродячий царя развлек
танцовщицей в пестрой одежде
Много стран опечатал след ее ног
но
остались ступни нежными
«Ни жены
у царя, ни святыни,
тяготеез проклятье священной пальмы
над его головой бесславной
кости предков в могилах стонут», –
слова стучали, как дождь,
в коридорах и залах дворца
Злая воля стояла – послушная дочь –
на страже скипетра и венца.

Хозяин бродячего цирка
у фургона ждал танцовщицу
Змеей под музыку гнева
вился бич у него в руках
Гребень леса расчесывал облака
Царь дремал, свернувшись в калачик
Танцовщице хотело плакать
как девочке
у него на руках

Новое утро прошло коридорами
кашлем, шарканьем, фырганьем
Круги под глазами у хозяина цирка
оказались совсем черными
Похожа на пеструю птицу
подошла к нему танцовщица

204

Хозяин ударил с маху –
взвизгнул бич по плечу скользя –
и удивился смеху
застывшему у нее в глазах
Небывало светило ее лицо
предвещая неслыханную зарю
– Где твое золотое кольцо?
– Я его подарила царю
я ушла, а он еще спал...
Пели песню свою колеса
Каждый какую-то тайну знал
и хранил ее своим способом
Окно на кусочки резало даль
убаюкивал скрип колес
– Почему же он ей ничего не дал? –
хозяина мучил вопрос

Сбросив тяжесть большого пути,
гонец упал у ствола пальмы,
со смехом вонзил в песок пальцы –
не надо больше идти,
никто никого не торопит,
царь не ждет уже добрых вестей,
но упала роса с ветвей,
и послышался тяжкий ропот,
и гонец поднялся,
закрыв глаза,
стал таким же прозрачным, как тень его,
и услышал неслышимые слова,
что родились в священном дереве.

Шуба

Из мертвых животных одежда
отяжеляет спину
тянет в темную нору
зализывать последнюю рану
Лифтовый ужас
лестничная боязнь
забирается в позвоночник
растягивает вкось
уголки глаз
из-за спины
через сны
просачивается в плоть
Прежде нежели стал меж
в мир иной
ушел зверь живой
В нем нет зла
но заметна дрожь
когда мех
чувствует на спине снег
но
отряхнуться
не может

Шут

**И дев веди
к Арбату – шута брак!
– Хи-хи, не жених их!**
Колпак звездой прорвал горизонт
арбатский двор громыхнул грозой –
**в узор – грозу!
Ух рев вверху!
Ату шута!
А то вижу: у живота**
у шута рука
а зубов обуза –
зубы на колене
и мазал глазами –
глаз на ступне,
голова шута
катит и так
по улице – по спине
голову уволок
**голова – аволог
волок уколов
о лог а наголо
уволок к олову**
голову
в угол –
гол!
Дзынь – стекло –
по стене стекло.
Мане нов Арбат, а браво не нам.
Шут вопит из стеклянных луж:
**– А к шутам матушка!
Шуту – туш!**

Щель

Девушка притворилась ангиной
замотала горло бинтом
но ангина всем разболтала
что под марлей сочный засос
Девушка движется на свидание
в самый казенный дом
Ворон сразу Эдгара свил гнездо у нее прическе
убитая взглядом лиса бежит с плеча до колен
обе кокетничают с плафонами
упираясь ботинками в стен-
ку
Драку-
ла – профессор
встречает всю троицу без перчаток
включает приветливый диктофон
Ласковый скальпель вскроет
комплексов и кошмаров ком
Липкий ликер малиновых капель
греет горло мерцает в глаз-
ах в темноте начинают светиться
сердце легкие мозг таз
А после
прослушивая пленку
он кривится от сладких вздохов
и только на фразе:
«А вы знаете, куда на зиму улетают мыши?» –
оживился
и тенью стал выше
чем стул
будто зверь изнутри вышел
и на свет зевнул

Ь Ы* Ъ

* Ы – знак умножения. См. текст «Азбука»

Экзорцизм

(Изгнание дьявола феминизма из современной женщины)

Слушайте мой голос –
волос
в сутолоке труб Страшного Суда
Все, кому страшно, сюда!
Она всюду,
она – социально – он
не боится огласки,
беспокойна и нервна,
истерично, но милосердна
до того,
что слеза,
осушая щеку,
заползет обратно под веко,
и СОЛЬ в ней,
переставив кристаллы,
станет ЛОСЬ
и вздернет рогами глаза на лоб –
так вас трясет
от правды ее вранья.
Не я, не я,
сними сама лицо с лица,
дернув за кончик языка,
катающего шары слов без перерыва,
глаза крысиная перспектива –
не дальше горла: взять, взять!
Изыди, змея!
Марша в кровать,
где ты активней не многих мидий,
где муж-рудокон
на-гора выдает
тонну за тонной
фригидий.

Ю

Солнце пью
через букву Ю
через палочку и кружок
через перекладину
рот напряжен
он – ожог
он – О
А я солнце пью
через соломинку луча
буква солнечного ключа
в моих пальцах
в моих кольцах –
обручальное солнце
Пройди через солнце ко мне
я пройду через солнце к тебе
Ты – колокол крови моей и твоей –
бей, бей, бей!

Яблоко

ЯБЛОКО – в нем два языка:

ЛЯ – музыка, **КОБОЛ** – электроника.

Это **ЛОБ** и **ОКО БЛОКА**,
моделирующего **БЛОКА**ду
на дисплее окон.

Так тупо стучит мяч **БОЛ** –

БОЛЬ, не смягченная мягким знаком,

Потому что казнь не смягченная есть знак –

КОЛ в **БОК**

в кругу славян, танцующих **КОЛО**.

Я

выхожу из яблока,

оставляя круглый провал – **ОБОЛ**,

плату за мое неучастие в программе

под кодовым названием

ЯБЛОКО.

СВАЛКА

Суперпоэма

визуальная
интеллектуальная
виртуальная
игральная
запрещенная

(на каждой свалке есть табличка: “Свалка запрещена!”)

не имеет

начала, конца, четких границ во времени и пространстве,

а также

одного постоянного состояния

существует

во множестве вариантов,

каждый из которых является истинным

1985 - 2002

<http://flashpoetry.narod.ru>

“Женбла, кот сепотил йес рим
 в оге нитумы коворые.
 Еог рпивзали бласвегие
 акк бессоедника ан рип.”

Дорфе Тетвюч*

* “Блажен, кто посетил сей мир...” и т.д.
 Федор Тютчев.
 (Перевод с языка свалки”).

Не выходя за пределы слова СВАЛКА
 в нем найдут друг друга
 АС и СЛАВА
 СКАЛА и ЛАВА
 КВАС и ЛАВКА
 ЛАК и ВАКСА
 ЛАВ и ЛАСКА
 ВЛАС и КЛАВА

	С	В	А	Л	К	А	
а		ВаК	са	ЛАС	Ка		с
к	квАС			Лав			в
л		КлаВА				АС	а
а					ВлаС		л
в			Лав	кА			к
с				сЛА	Ва		а
	А	К	Л	А	В	С	

Они наедятся *сала* и станцуют *валс*

СВАЛКА – СВАДЬБА СУДЬБЫ

свалка матраса
Какая без ?
свадьба матроса

О

-----н-----

-----синь-бело-----

-----полосат-----

-----в нем-----

-----дружина-----

-----пружин-----

-----и все-----

-----торчат-----

По семейным волнам
Пыньче там - завтра к нам

МАТРОС

это		
рост		о
торс		с
амор		т

м

а

р

с

т

р

о

с

Ром мат срам

КАРТА МИРА – СКАТЕРТЬ ПИРА

Меню

Завтрак

Азия – язи
Европа – репа

Обед

Австралия – салат, слива
Африка – икра, раки
Америка – икра, раки, крем
Россия – рис, соя

Ужин

Берлин – блин
Нидерланды – дыни
Франция – яйца
Норвегия – вино
Москва – сом, сок, квас

А вот **БУТЫЛКА**

пустая – БУКА
полная – УЛЫБКА
в ней ЛУК и БУЛКА
она для любителя – КЛУБ
но когда из нее вылезает БЫК
то АТУ его!

ПУТЬ НА СВАЛКУ НЕМИНУЕМ!

СВАЛКА - свайка - сПайка

|
сТайка - стОйка - стОпка - Штопка - штоРка

СВАЛКА - сКалка - скаЗка - Указка

|
скаЧка - сТачка - стЫчка

/ \
стаВка стаРка - стИрка

|
Утирка

/ \
у Цирка у тУрка

СВАЛКА - сваНка - свИнка - свиТка

|
сПинка - спиЧка - спЯчка

СВАЛКА - сваРка - свЕрка - Дверка

|
свеЧка
Овечка
Олечка
ОлеЖка
Слежка
слУжка
служБа

ПРАВДА на свалку не приводит

У нее свой путь

Путь правды

ПРАВДА → правКа → пЛавка → плавкИ

↓ ↓ ↓
Травка плаНка плЕвки
↓ ↓ ↓
травМа плЕнка плетКа
 ↓
 клетка

СВАЛКА - СВАЛЬНЫЙ ГРЕХ ОТХОДОВ

Все как свалилось
так и свалилось
Только манекен, лишившись головы,
решает проблему пола
у него с полом
полный полом
Он сам на себя составляет анкету
и сам из себя добывает ответы

Анкета манекена

Наименование _____ *манекен*
Пол _____ *ман*
Национальность _____ *немка*
Родной язык _____ *нем*
Образование _____ *нема*
Историческая родина _____ *намок?*
Место проживания _____ *на камне*
Отношение к религии _____ *амен*
Основное занятие _____ *ем*
Любимое блюдо _____ *манка*
Жизненное кредо _____ *мне!*
Какой сутре следуете _____ *Каме*
Любимый цветок _____ *мак*
Любимый писатель _____ *Манн*
Любимый художник _____ *Мане*
Поэтический символ _____ *акме*
Какой поэтессе отдаете предпочтение _____ *Анне*
Планы на будущее _____ *канем*
Кем можно заменить в случае отсутствия? _____ *некем!*

На свалке заменимых нет!

Любой стандартный предмет на свалке приобретает индивидуальность

Все новые башмаки новы одинаково –
каждый рваный башмак рван по-своему!

Когда КАЛОША была ГАЛОША,
в ней был ГОЛ,

а теперь - ШОК

был ШАГ,

а теперь - ШЛАК

КАЛОША и БАШМАК - чего у них общего?

Только КАША и ША

Кажется, что всего лишь “просят каши” -
а если это любовь?

На свалке вас ждет ЛЮБОВЬ!
В ней есть БОЛЬ

ЛОВ
БЛЮ
ВОЛ

НО НЕТ ВОЛИ

Л	Ю	♥	Б	О	В	Ь
Л	Ю	♦	Б	О	Л	Ь
Л	Ю	♣	Н	О	Л	Ь
Л	Ю	♠	Н	О	Ч	Ь
Л	Ю	В	Н	О	В	Ь
Л	Ю	♥	Б	О	В	Ь

Как это СМЕРИТЬ?
Себя СМирИТЬ или СМЕР*ТЬ

Там, где у свалки середина, лежит АНИШАМ – перевернутая МАШИНА
Сплющена, смята, разъята на М Ш Н и А И А
изъята, как ять

Треснувшее зеркало (а зеркало – зола Креза) возвращает фразы обратно,
рассказывая био/смертеграфию

сав то отваС С авто от вас

город колесо, оселок – дороГ Город – колесо, оселок дорог

аджаж – дА Ад – жажда

инет тен И И нет тени

“барК” раБ Бар “Краб”

уборп рох лад, адал хорп, робУ Убор, прохлада, дал хор пробу

арому, (!ст) ак-ан накатс умор А А рому стакан на-ка (т-с!), умора

товр емя в ямерв оТ То время в яме рвот

баху – хаБ Бах – ухаб

балс новз, акрик !”о” мокирк аз :вонс лаБ Бал снов: за криком “о”! кирка,

звон слаб

?”я” тот – Я Я – тот “я”?

К К

?леш ему в умешел лешему в уме шел?

алз рач око - кочарз лА Ал зрачок - око чар зла

У свалки **НЕТ**
СТЕН
 но есть **сЦЕНА**
 где всему **ЦЕНА** есть
 и все бес**ЦЕН**но

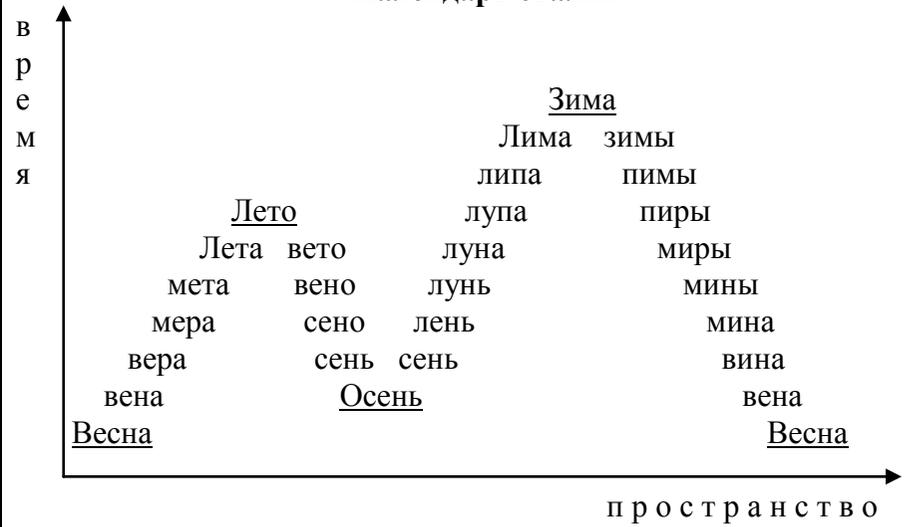
Здесь царит МАГ БЕД – МАКБЕТ
 и чего РАДИ АКТИВЕН ПОЛОНИЙ,
 если стих ГУЛ и ГАМ ЛЕТ,
 а ЛИФ ОФЕЛИИ сторожит Розенкранц – ржавый кран
 обтекает гниль цистерн – Гильденстерн
 и за это им ПРИЗ – РАК ржавчины

Р Ж А – радуга распада
 в ней **Ж А Р**
 и **Р А Ж**
 она из лица сделает рожу

Вот **лицо**
 вот **лицА** людей
 целая **лиГА** лиц
 обмолотит их **РиГА** жизни
 покроет **РизА** смерти
 и где была **РОзА** любви
 будет **РОЖА** страха

Стра**Х** - стра**Ж** наш

Календарь свалки

Фазы Луны

серп - луна, луна - серп
 смерть - любовь, любовь - смерть

Над свалкой есть НЕБО
НЕ БОГ весть что
но с планетами

Юнона, но не видит сон **Юпитера**: заре тип юности дивен – она, но ню.
Цеди вон **Сатурну** ли вар трав, и лун рута – сновидец.
Лун я тень – не **Меркурия**, и рук ремень не тянул.
Нас нежа, **Венере** не важен сан.
Лавры **Марса**: бас рамы рвал.
Соки вен говорили нам: “Он – **Уран**, на руно манил, и ров – огневик ос”.
Потоп ли, **Нептун**? Кнут пенил потоп.

Примечание.

Слева направо – движение прямое,
справа налево – движение попятное.

На свалке есть видеосалон

Он показывает мистико-экологический триллер сериал
“СЛОН”

(По заказу окружающей среды и других дней недели).

Серия 1.

Белый СЛОН
СТОН издал
в грязный СТОК упал
в нем как УТОК сновал
но жизни УРОК кончен
счастья УРЮК съеден
готовит КРЮК
с криком КАЮК
смерть - узкоглазый КАЮР
Следующий КАДР –
черный КАФР
сидит в КАФЕ
перед ним КАРЕ карт
выпала КАРА
жизнь - КОРА гнилая
Лопнула КОЖА слона
раскрылась ЛОЖА нутра
и там где ЛУЖА
дрожит как ЛУЗА
МУЗА свалки
МУХА

Серия 202

Слон, упавший в сток, превращается в шлак:

сток - стык - шлык – шлак

Серия 303

Слон, начиная с кожи, превращается в торф:

кожа - кора - Тора – торф

Серия 404

Слон, получив жестокий урок, впадает в мистику переселения душ, становится графом, слушает Грига, пьет грог и попадает в гроб:

урок - урон - уран - кран - край - грай - граф - гриф - Григ - грог - гроб

Серия 505

Слон, достигший края, становится либо кротом, либо клопом:

край - крой - крот;

край - кран - клан - клин - блин - блик - блок - клок - клоп.

У свалки своя игра

Вот АВТОМАТ
АВТО сломалось
остальное осталось

А вот –

КУКЛА
на
свалке –
валка
на

КУКЛЕ

КУКЛА

губы – ЛУК
щеки – ЛАК
глаза – АУЛ АКУЛ
в сердце капитан КУК
характер – КУЛАК

Но свалка знает свой срок
КУЛАК

станет
КУЛЁК

ОБОРКИ
будут
ОПОРКИ

На свалке все смешивается
смещается
сцепляется
образуя –

цепи

УНИТАЗБУКАЗНЬ
(унитаз – азбука – указ – казнь)

КОМОДЕЯЛОДКАСТЮЛЯГУШКАФЕН
(комод – одеяло – лодка – кастрюля – лягушка – шкаф – кафе – фен)

СПИЦАПЛЯМКАЛОШАДИЕТАБУРЕТ
(спица – цапля – лямка – калоша – лошади – диета – табурет)

кольца

КОРЫТОСКАФАНДРАТВАННАЛЫКО-
(корыто – тоска – скафандр – дратва – ванна – анналы – лыко – корыто...)

СКЕЛЕТАЛЛЕЯМИГНУЛЯМИНОМУТУМАНАВТОСКЕЛЕТ-
(скелет летал аллеями, мигнул нулями ямин иному омуту тумана, авто в тоске,
скелет...)

а дальше

АДАЛЬШЕПОТВЕТРАВЕСНАЧАЛАД-
(а дальше шепот – ответ ветра траве – весна, сначала лад, а дальше...)

Свалка всех примиряет, все смягчает

У нее все звонкие (которые согласные) становятся глухими
где раньше была Душа –
осталась одна Туша

Была гаДалка – стала каТалка
ГаДала, иГрала
потом КаТала и Крала
носила шляпку С ГриБ, а теперь колесики – СКРИП-СкриП
.

Зато Вору дали Фору
раньше кричали “Вон!”, а теперь величают “Фон”
была шляпа ВеДром, обтянулась ФеТром

А кто на свалке БеЗ Дела, того одолеет ПеС Тела

На свалке в здоровом ТЕЛЕ
ЕЛЕ здоровый дух
ух

А для Вольных –
Больных
есть
поликлиника – полуклиника
в-поле-клтника – на-полу-клиника
на-пол-кинули-ка
и пошли

Вас встречает сестра ГРЕЛКА
раньше ГРЕЛА
теперь ГЕРЛА

У нее бИнт – бАнт – ее Фант, фарТа фарЦа
Ее царь и принц – шприц
укоЛ не укоР
игЛа – игРа иРРа-циональная
опера
опера-ционная

На свалке количество переходит в качество

Свалились

в **СТОК**
тупая **КОСА**
черный **КОТ**
ржавый **ТРОС**
мраморный **ТОРС**
сломанный **КАРТ**
их прошиб **ТОК**
и получился – **КТО?**

СОКРАТ

«Дороже истина, но друг мне Платон!»

возраст – **СТАР**
характер – **СКОР**
состояние – **ТОСКА**
животное – **КРОТ**
насекомое – **ОСА**
владения – **СОТКА**
награда – **ОСКАР**
напиток – **РОСА**

Кто правит Сократом?

РОК

Что останется от Сократа?

СОР

Чего не останется от Сократа?

СТРОКА

У СВАЛКИ СВОИ ГЕРОИ

Вот
сломанный самолет...
тьфу, шломанный шамолет

– Фюзеляж погнули? Ну што ш!
Хвошт отвалилшя? Нишего!
Мне бы до вжлетной полошы дополжчи...
Куда же ты, детошка? Мы еще вжлечим!
“Мы рожжены. штоп шкажку шделать пылью..!”

– Что это вы, приятель, с русским языком творите?
– А ты што тут?
– Я учебник русского языка для первого класса, асса!

ЯЗЫК

говяжий отварной
в собственном соку
Срок хранения 1 год

Молоко дольками масляная
краска без сахара фаршированные
икра зеленый нитро
эмаль мозговых баклажан с сахаром
горошек цинковые в сиропе
ананасовый белила
банковые ржавила
нитробы бустые
язык человека лечо вылизал

Продолжение
лже-е-е-ние
следует
ду-у-у-ет...

ПАЛИНДРОНАВТИКА

<http://slovar.t.narod.ru/>

Я и ты

Я и ты – бог, эго бытия.
Я и ты – Бах эха бытия.
Я и ты – бутон нот у бытия.
Я и ты – балет тела бытия.

Я и ты – бури миру бытия,
я и ты – бич у тучи бытия,
я и ты – беда в аде бытия,
я и ты – бензин из небытия.

Я и ты были силы бытия.
Я и ты были жилы бытия.
Я и ты – база, фаза бытия.
Я и ты будем мед у бытия.

Тел маг

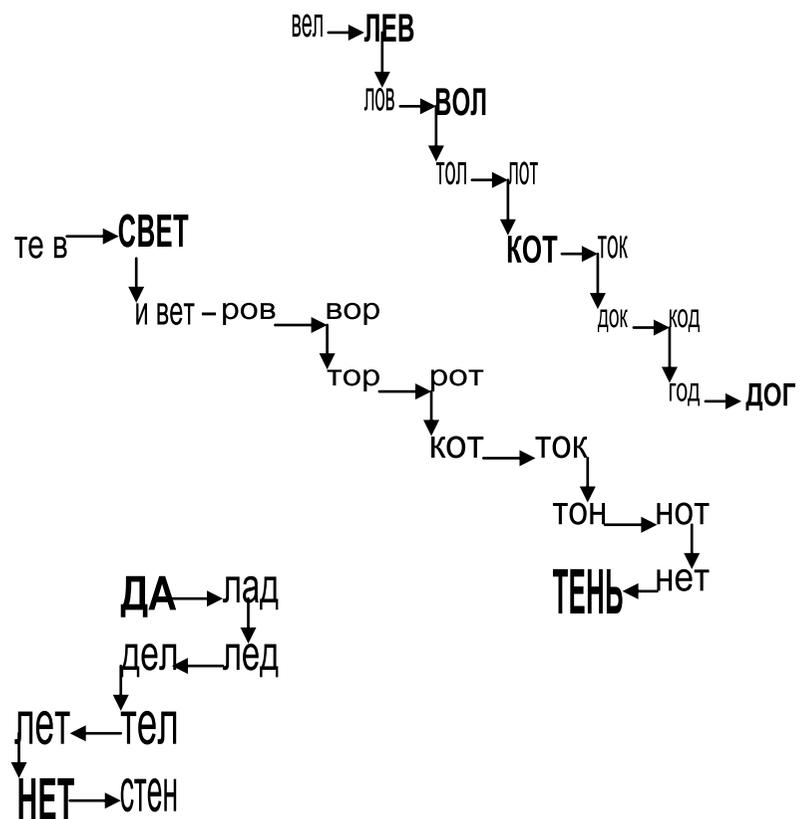
(палиндромический Гамлет)

Зал, где лед глаз.
Сна шанс.
Тише, рот, кадров ссор кроссворд, а кто решит?
Икс-отец не в венце тоски,
велит семя: “Я – мести лев!”
Шпаги миг – ап... шах!
Но где бал зла - бед гон.
Нем откос, и в косе песок, висок томен.
Но могил ли гомон –
Йорик и рой.
Знобило, в Гамлете летел маг воли бонз,
Дятел вен – гнев, лет яд
да рапира – зари парад.

Собор

Робости щит – собор,
тише туч утешит.
Не шабашу душа башен,
а ниши тишина.
Зори - себе, но вера - зарево небес и роз,
а те в сини света
и в яви.
Но взлетала мольбы зыбь, ломала тел звон.
Яр атлас алтаря,
далече в свече лад,
а ладану луна дала.
Лег на храмы дым. Архангел
невидим и дивен,
а вон слепил и пел снова:
«Миров огонь, но говорим
еще веще...»

Мутации

Ведьма

Ведьме себе на небе семь дев.
Ведьме садов вода – семь дев.
Ведьме сера – заре семь дев.
К сере вереск.
Ведьме сети, щит – ищите семь дев!
Ведьме свары – дыра в семь дев.
К сирени в вине риск.
Яд, ого, пушу погода,
ядов сети, и те сводя.
Року – ведьме – семь дев укор,
а к реву зим изуверка.
Ведьме судеб беду – семь дев.
Ведьме суд, а в аду семь дев,
но звезд зев зон.
А лак рези и зеркала.
Ал зрачок – око чар зла.

Призраки

И толп тени: "Мы - дым". Откуда силы? "По вере". Диво зари магу дарю.

Рвали дороги городови городу тень гба. Рок глун и кони. Воле - перо, миру Баха - бури. Море пело вино, кинул корабль "нет!".

У дороги городови и радуга - мира зов, и дарево пылги - саду... "Кто мы?" Дым. И нет плоти.

Нота лета

Нота лета – тела тон.
На, барабань! На барабан,
не бубен.

Но тело – и виоле тон,
а нота – довод альту, суть ладов, ода тона.
Нот вал ангела дале гнал, а в тон
на грозу – муз орган,
вокал боя облаков.

Но то не ведала дева нот,
а лире верила
и древу Верди –
вороху хоров.

О, вера, взор, гонг, но гроз варево!
Нот иноки легки деве. Дик геликон, и тон
рати грома – атог гитар.

Или сор бог на танго бросил, и
нищ, не ждал ангелов. Оперу буре по воле гнал ад женщин.
Ах, и так, но ты, фрау у арфы, тонка, тиха,
как

воск. И не фагот итог, а фениксов
нот соло стон,
и ля и си сияли.

Июля орда – лад роялю и
ноте гобоя о боге тон.

Две русалки

Обе на деле – танец НЛО, солнце на теле да небо.

Мечтатель

«Ох, эти волны снова, мама!» – вон сын ловит эхо.

Мудрец

Ум его – бином, он и бог ему.

Астролог

– Ада кора – Зодиак, а там атака и доза рока? – Да!

Цыганка

Им Аза лгала глазами

Пейзаж

Вон сон озера – резон основ.
Волн улыбка – как бы лун лов.

В лун суете уснул в-
ечер, рече:

– Дальним – аминь, лад,
данности щит – сон над.

А лоза, вода – адова зола
алела.

И в те ветви
атака звезд, а сад – зев заката.

Дивен сов во сне вид.

Тина муху манит.

И лили-

я

тонула лун от.

Тень ли весов в осе вильнет?

Исход

Но истин мнит Сион
и манит, сияя истинами,
нежа в мифе лад: Алеф им важен –
се в иге Моисей еси Омеги вес,
но немел покоем, увы, в уме, око племен он.
Яме нем исход. Звуку – вздох с именем: «Я!»
Ум – его «Бытие», и Ты – Бог ему.
Вознеся соло гнева, реке равен голос, ясен зов:
«Иди!»

Основной вопрос

– Мир зрим?
– Мир – грим.

– Мир зрим?
– Мир – dream

Стена

(Стена. На стене слова)

Философ:

Мат – сила, но и царь рационалистам!

Диссидент:

Мат не диссидентам,
мат – неагентам!

Генерал:

Мат – ад? Лоск солдатам!

Дипломат:

Мат не МИДу – рудиментам,
угар в матерке – секретам врагу!
Мат – рок, сэр, эскортам.

Батюшка-фундаменталист:

Мат сип, а папистам!
Мата б бас аббатам!
Мат и... и шиитам!

Тамада:

Тамаде беда мат!

Финансист:

Мат не центам!
Мат не рентам.
Мат и беда дебитам.

Прозаик:

Мат... э... о – поэтам!

Памятник:

Я – постамент, не мат сопя!

Референт:

Мат не референтам.

Юморист:

Мат-с и ром юмористам!

Даос:

Мат ничто – вот чин там.

Милиционер:

Мат не ментам.
Мат – сук устам,
мат, ну, бунтам,
мат и дна бандитам!

Дворник

(грозя метлой):

Мат на ту мать-та мутантам!

Уборщица

(стирает надпись):

Мата нет – стена там!

Разочарованный странник
(Как бы Лесков)

– Поп:
ряса, бас яр.
Рясе бес яр!
И дев о психах исповеди,
(ума им и фимиаму),
и чепуха у печи.
Лето попотел,
а нищ. Во поповщина!

– А был – глыба...

– Ризе лба блезир
и лет сор. Поп опростел, и
за рясу гуся – раз!
«По плечу!» – учел поп.

– Икра до паха, подарки,
торт с кофе, фокстрот,
на воле целован...

– Попировал, а вор. И поп –
попса, распоп.
Поплакал поп,
а реваншем смешна вера.

– А реваншу душна вера...

Драма на охоте

Лесник:
Отсель лес-то,
о гору мха хмурого,
а робкому – шумок бора.

Эколог:
Мороз – узором
ажур кружа.
А щи, бор, гусь! Сугробища...
И лисы рысили.

Лесник:
И лосю соли,
он ест сено.
А то нежу уж енота.

Эколог:
Уголок экологу!

Браконьер (в кустах):
Я
тут,
ухом к моху,
а то лоб в болота.
Еж и ниже
тело колет.
Лесок окосел,
и рев – звери...
А-а-а!
Лис укусил!

Лесник:
Лиса будто отдубасил?

Эколог:
Кинь лиса, насильник!

Лесник:
Но он
и
вор боров!
(собаке)
Ату гада, Гута!
И вражину, унижа, рви!

Русский ум

Жена:

Ум – он дорога лбу благородному!

Ум – он диво видному,

ум – он идея единому,

ум – он муза разумному,

ум – он зов к сквозному.

Ум, он вон и чиновному,

ум, он и опере по-иному.

Муж – ум,

а к жене денежка.

Уму – думу!

Муж:

– Ум, Зина, – нож онанизму,

ум за грош оргазму.

Ум, Зина, – гроб организму!

Рубаки

(Воспоминания ветеранов гражданской войны)

– Я уж рубил и буржуя!

– Лимонок экономил,
но рубил и бурно –
липу лбом облупил.

– Лил, рубил и бурлил,
и мял басы саблями!

– И Щорс с рощи,
и казаки,
и генерал в ларе неги
у сортира парит росу...

– Или бар грабили,
или сук вкусили,
или морг громили?

– Но взвод – вдов звон,
угар врагу.

– Нет, раз азартен –
и бурю руби!

– Я после ел, сопя,
и мял пост соплями.

А ля Золя

Он:

– Усладил и дал су.

Она:

– Услада... А дал – су!

Эпилог

Театр тает –
конец сценок.

Вон суд, а врет, как актер в аду снов.

ЛИСИОСИДА
(Война лис и ос)
Сократ и Фирдоуси

Море-плакса лису од – рифму сонат – сверит,
а рту – розу ядов.
В осе лира, в токе ладони нет сил,
гол и мят Сократ силами лун, а время ввертел,
себе не лис в нору.
Лире века там оса бредила
ропоты вихря у Руссо. Мал сил ад.
Да,
минор, ты – сила, но льдов Азия.
О, алтари плача – небес дороги!
Нас в осе бесил гул –
вот юла, смотри, и грома сила,
а Тибр осу бесил.
Рок на воске – дни Рима,
мор гадали и через олово, но и парка – что плела?
И не тем, увы, мечту жен веем за торг,
а те в стон. И вечно в зубе нам оса.
Себе нежил будни я, а в Иштар будим окно в звон.
Нет, осы ли соты – дом Осириса?
И нет кода. Сон осам – лис. А нам утро венков,

у медового Бенареса.

Окно тень через оросил лев зари –
солист сил ос.

(Обратный текст)

Тире в стан ос ум Фирдоуси ласкал, пером
вода узор утра.
Лис тени, но далеко. Твари лесов
лет рев в яме рванули. Мал и стар костями лог,
урон в силе небес.
А лидер басом атаке верил:
дал ислам ос суру – яр Хивы топор,
ад.
«Я и заводь лон, а лисы – трон им,
иго – род себе», – начал пират Лао.
Луг лисе – бесов сан,
а лисам – оргии ртом салютов.
Лисе – бус орбита,
а мир – индексов анкор.
Алел пот – чакра пионов, о лозе речи и лада гром.
Грота змеев не жутче мы в уме тени,
а сома небу звонче вин от света.
Но в звонком: «Иду, брат Шива!» – я Инду ближе небес.
А с ирисом оды – то силы сотен.
В окне вор тумана сил – масон, осадок тени,
а сера не бог – овод ему.
И развел лис о розе речь не тонко –
лис-ментор оборотнем сил

Восход в зеркале заката
(Артур и Атон)

Закат

Я – ига мира замок.
Ах, это имя не там, осени куб – закон, Евы тон –
алоэ, цена тени он,
ход в ворох адониса.
От
Артура шла темнота,
короля нем меч
и туп –
лев луны в чаду у дурмана.
Я слычу ладов зов:
себе ни разу,
ему – воля и сад.
Я – ром боли,
а не полет.
А муза разума – мрака кот, сова.

Восход

(обратный текст)

Кома зари – магия.
Но ты – венок азбуки, несомая тенями от эха,
но и не танец Эола,
а синода хором вдох.
То
Атон метал шар утра,
чем менял, о рок,
пути,
а нам руду удач вынул. Вел
воз вод, а лучился
у зари небес.
«Да» сияло в уме
и лоб моря,
тело – пена.
А Востока карма – муза разума!

СЛОВАРИУМ ЕЛЕНЫ КАЦЮБЫ

Сергей Бирюков

Лучше всего принцип творчества Елены Кацюбы определила она сама в своем сверхлаконичном графическом «Манифесте». Я не знаю более точного выражения самого понятия «манифест», чем это. Линии, связывающие графемы, из которых строятся слова, проходят сквозь пространство, проясняя систему взаимосвязей. Девять слов значимо определяют подход поэта к слову. Произнесенные или написанные просто подряд эти слова могут произвести впечатление случайного выбора. Поставленные таким образом, как в «Манифесте», связанные системой линий, те же слова задают целостную картину поэтического мира Кацюбы. В сущности, поэтесса говорит нам, что мир состоит из случайностей и произвольностей, в мире много ошибок и сбоев, но творчество дает возможность найти порядок в хаосе. Совсем не случайно одно из самых известных и уже давних произведений Кацюбы имеет название «Свалка». Начатая строительством в 1985 году, к настоящему времени поэма «Свалка» имеет ряд вариантов, в том числе виртуально-вращающийся (см. <http://flashpoetry.narod.ru>). Автор признает наличие множества вариантов и дает личное заключение об истинности каждого из них: «каждый из которых является истинным» (цитаты по: ДООС. Полное собрание сочинений. Издание Е.Пахомовой. М., 1998).

Хотя произведение называется «Свалка», и в нем представляется свалка как таковая, вся вещь четко структурирована, и каждая часть также конструктивна. Общий принцип анаграмматического письма, который использует Кацюба, – конструктивистский органически. При комбинаторном переразложении слова вы не можете просто вываливать слова, они сами заставляют вас делать некоторые усилия, чтобы перестроить графемы в нужном порядке. Даже если вы захотите представить в свалочном варианте некий, существующий в «нормальном» виде текст, как это сделано у Кацюбы в эпиграфе из Дорфе Тютвюч. Само имя Федора Тютчева приобретает некий германо-романский оттенок, так Dogf по-немецки будет деревня, tete по-французски будет голова, вюч можно интерпретировать либо как немецкое Wut (ярость, бешенство), либо, что ближе, futsch (вместе с вспомогательным глаголом sein означает пропадать, например: alles ist futsch – пиши пропало). Таким образом, совершенно по чаромантии Платона Лукашевича

обнаруживаем глубокий смысл. Далее, очутившись на свалке, известное стихотворение Тютчева «Блажен, кто посетил сей мир...», сохраняя ритмическую структуру, семантически преобразуется. Мощные в своей красоте строки Тютчева притягивают отвлеченностью: этот КТО – неопределенное лицо, ВСЕБЛАГИЕ – потрясающие, но тоже не вполне определенные. В свалочном же варианте все получается более определенно:

Женбла, кот сепотил йес рим – женбла – это некто женоболтливый, он же кот, который сепотил (что-то вроде невнятно, по-детски, произнесенного освободил), Йес – да по-английски, ну и Рим – понятно.

В оге нитуны коворые – в общем ясно – в огне не тонущие ковровые, или ковьяряющие, или сложносокращение – по принципу встраивания слова – которые воры – вытаскиваем Т, вставляем В – получаем коворые (блестящий результат!).

Еог рпивзали блавсегие – тут появляется йог, рпивзали – довольно сложная конструкция, в которой есть слово резали (Е редуцируется как неударное), резали, пив, либо при этом пивали, в одном слове создается двусловная, семантически насыщенная конструиэма, наконец последнее слово – тоже довольно сложное – здесь есть уже известный нам корень бла-, известный в разных языках как междометное обозначение болтовни – bla-bla, далее понятное слово все, где с некоторой осторожностью можно интерпретировать как грузинское мужское имя Гия, в дательном падеже, либо как выкрик.

Акк бессоедника ан рип – здесь мастерство перевода на свалочный язык достигает максимального блеска. Акк – автомат Калашникова (с ошибкой, правильно было бы АКМ), бессоедник – ясно – соедник (подельник, соучастник) беса, ан – немецкая приставка, означающая в числе многих значений за, рип – возможно, усеченный вариант немецкого Rippe – ребро.

Предлагаю читателям самим собрать все эти смыслы вместе и сделать надлежащие выводы – о чем и о ком идет речь. Если это стихотворение Тютчева оказалось на свалке в 1985 году, то Нострадамус может спокойно заниматься своими замирными проблемами, мы не будем к нему обращаться, а пойдем лучше на свалку и покопаемся там, может чего еще найдем. При этом не стоит с предубеждением относиться к возникающим при таком анализе допущениям. Сам анализ отчасти ориентирован на известную модель академика Л.В.Щербы «Глокая куздра...» Однако только!

отчасти, поскольку Щерба создавал модель, подразумевающую известное ему значение, а мы анализируем текст, созданный не нами, то есть находимся в семантическом поиске

Но в таком же семантическом поиске находится и сама поэтесса-писательница-изобретательница. В произведении «Азбука» она прямо говорит:

Розы сами не растут
Их создает садовник – конструктор розы

Вот Елена – садовник слов-роз. Она создает такой словесный розариум. Названное произведение построено по принципу розариума. Вначале идет стихотворение «Азбука» – это то, что в розариуме называется немецком словом штамм (stamm), то есть корень – общий куст, от которого берутся отростки и высаживаются отдельно и уже сами растут – у Елены это дальнейшие стихотворения на все буквы алфавита. Весь этот цикл-розариум являет собой совершенство конструкций, то есть правоту красоты.

У нас нет ничего, кроме слов и букв (графем), из которых состоят слова. Мы можем оперировать этим материалом грубо, неряшливо, а можем выстраивать изысканную конструкцию, которой стоит любоваться. Выбор есть. Елена Кацуба выбирает второе. Если она в пору жесткого и неостановимого крушения слова смогла преобразовать, реконструировать, облагородить СВАЛКУ, то уж выстроить свой Словариум (СЛОВА-РИ-УМ) для нее вообще не проблема. Елена Кацуба едва ли не единственный у нас автор (здесь я вынужден использовать мужской род!), который принял компьютер как умную помогающую машину и начал с ней работать. Именно с ней, а не против нее. А в конечном счете – не против себя. Её книга «Игр рай», вышедшая в 2003 году, представила нам редкостно цельную, бережную, уважительную и дерзновенную работу со словом. То есть такую работу, которую можно назвать поэтической. Поэтическая деятельность и есть преобразующая, развивающая, манящая светом еще неведомых открытий.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Кедров

Ты все пела? Это – дело! 5

Игр рай 7

АЗБУКА

Азбука **13** Алхимик **14** Антология меда **15** August **16**

Бабочка **17** Близнецы **18** Блюз **19**

В баре **21** Вальс цветов **23** Валюта мечты **24** Вариант **25** Вариация на восточную темы **26** Веер Венеры **27** Вересковый ветер **28** Веретено **29** Ветка **30** Витрина **34** Внутрь **35** Волга **36** Волосы **37** «Воля твоя – убегать из леса...» **38** Время деревьев **39** Вьюга **41**

География осени **42** Геометрия полета **43** Герой и чудовище **44** Голубь **45** Горизонт **46** Гороскоп **47**

Двери **48** Дельфы **49** Демонография **50** Десант **53** Дети воздуха **54** Дневник ангела **55** Дождь на Ивана купалу **56** Дятел **57**

Ежевечерний апокалипсис **58**

Жаворонок **60**

Заговор рек **61** Закат **62** Заклинание **63** Звезда **64** Зимний садовник **68** Знание **69**

Иероглиф тигра **70** Из тьмы во тьму **71** Иссык-Куль **72** Итальянский и русский ад **75** Июль **76**

Йорик **77**

Капитан **78** Картина **79** Квадрат **80** Клоун лун **81** Клуб **82** Книга СОБАКА **84** «Когда соревнуются...» **92** Колесо **93** Конь **94**

Сог-корабль **95** Король лир **96** Косцы **98** Красивые **99** Кроссворд **100** Крот **101**

Лад ладони **102** Ленъ **104** Лестница **106** Летний императив **108** Луна и мрак **109** Линия **110** Львиный зев **111** Люди огня **113**

Майский жук **114** Манифест **116** Marina **117** Марионетки **118** Март **119** Марш **121** Маска **122** Машина зимы **123** Медитация на меди **124** «Молнии – нервные волокна неба...» **126** Морские пчелы **127** Мрамор **129** «Мысли морского зверя...» **130** Мяу! **131** Мяч **132**

Над **133** «Неумелая пряжа...» **134** Ночные летуны **135** Ночь **136**

Обвал **137** Одежда **138** Ожидание **139** О=зеро **140** Оракул **141** Отраженные **142** Охота **145**

Память **146** Пацифик **147** Перстень **148** Песок **149** Пилот **150** Пират **151** «Пламя живет в глазах...» **152** Поединок **153** «Пока оплывает...» **154** Портрет...**155** Приземление **156** Призрак метро **157** Притчи **158** Прописи осени **159** Прощание **161** Пчела **162**

Равноденствие **163** Ревность **164** Рим **165** Рисунки к 1001 ночи **166** Руины **168** Русалка **170**

Садовница **172** Сальери и Моцарт **173** Скульптор **177** Сотворение Евы **178** «Срывающая знаки запрета...» **179** Сталактиты **180** Суиерки **181**

Точка **182** Трубач **184** «Ты к солнцу обращен глазами...» **186**

«У тебя под кожей защита книга...» **187** Убежище **188**

Фауст **189** Фонарик **190** Формула жизни **191** Фото **192**

Хорал **193**

Царапины **194** Цирк **195**

Часы 196 Чаша 197 Чудо 199

Шкатулка 200 Шуба 206 Шут 207

Щель 208

Ь Ы Ъ 209

Экзорцизм 210

Ю 211

Яблоко 212

СВАЛКА 213

ПАЛИНДРОНАВТИКА

Я и ты 239 А в кубе 240 Зеркало Евы 241 Гадание 241 Гамма 243
Тел маг 244 Сбор 245 Мутации 246 Ведьма 247 Квадратура розы 248
Битва света 249 Призраки 250 Нота лета 251 Две русалки. Мечтатель.
Мудрец. Астролог. Цыганка 252 Пейзаж 253 Лучизм 254 Корсар 255
Исход 256 Основной вопрос 257 Стена 258 Разочарованный странник 260
Драма на охоте 261 Русский ум 262 Рубаки 263 А ля Золя 264
Эпилог 265 Лисиосида 266 Восход в зеркале заката 268

Сергей Бирюков

Словариум Елены Кацюбы

ББК 84(2Рос-Рус)

Художник книги ЯKrasnovsky

Подписано в печать 10.12.02

Формат 60x90/16

Гарнитура FreeSetC

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17.25. Тираж 500 экз.

Заказ № 1-1.

Кацюба Е.А.

Игр рай.

Стихи,

поэмы,

стихийные мутации,

иероглифические тексты,

палиндромы

и стихи с палиндромной инкрустацией. – М.: ЛИА Р.Элинина,
2003. – 275 с.

ISBN 5-86280-113-8

@Кацюба Е., текст, 2003

@Мальцева Г., иллюстрации, 2002

@Зейтунян-Белоус К., 2002

@Кедров К.А., «ты все пела? Это – дело!», рисунок, 2002

@ ЯKrasnovsky, худ. Оформление, 2003

@Годунов А., фото, 2000

@Бирюков С., «Словариум Елены Кацюбы», 2003